

Денис Соболев

ГОВОРЯЩИЙ
С ТРАВАМИ

Книга вторая. Звери

Денис Соболев

**Говорящий с травами.
Книга вторая. Звери**

«Издательские решения»

Соболев Д.

Говорящий с травами. Книга вторая. Звери / Д. Соболев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-0050-3757-2

Матвею пришлось повзрослеть. Чуть раньше, чем он бы хотел. И совсем не так, как должно. Теперь все решения — только его, отвечать за них тоже ему. Сумеет ли он сохранить в себе человека? Сможет ли выполнить задуманное? Читайте вторую книгу о приключениях Матвея Святогора.

ISBN 978-5-0050-3757-2

© Соболев Д.
© Издательские решения

Содержание

Говорящий с травами	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Говорящий с травами Книга вторая. Звери

Денис Соболев

Фотограф Ольга Соболева

© Денис Соболев, 2019

© Ольга Соболева, фотографии, 2019

ISBN 978-5-0050-3757-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-3644-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Говорящий с травами

Книга вторая

Глава 1

...Мерный звонкий стук топора и визг ручной пилы далеко разносились в тайге, срывая полог утренней тишины и начиная новый день. Откуда-то из-за деревьев донеслось вдруг протяжное мычание коровы, звонко брякнул подойник, запели петухи... Потянуло дымком от нескольких костров – женщины принялись за приготовление завтрака. Народ потянулся к родничкам и кадкам с водой, умываться и наполнять котелки. Утро. Какое уже по счету утро целой деревни, перебравшейся в тайгу.

Деревенские обосновались поближе к зимовью Матвея – старшего. Тут и родник есть, да и доверяли они ему сильно: все ж первый таежник в деревне.

Быстрее всех к переменам приспособились дети и... коты. Поначалу ребятня напугано жалась к мамкиным юбкам, не понимая, зачем они все вдруг поехали жить в страшную мрачную тайгу. Ту самую, куда их за шалости должна была забрать Баба Яга, и где живет похожий на мшистый пенёк с крючковатыми руками-сучьями Леший.

Расселились все в сарайках, наскоро сколоченных из разобранных и увезенных из деревни хлебов и сенников. Кто-то задумал даже бани разобрать и в тайгу перевезти – все крыша над головой. Но потом передумали, в людях все еще теплилась надежда вернуться в свои обжитые дома, в которых выросло не одно поколение.

А ребятам и здесь было вольготно и весело. Уже через день, убедившись в том, что Баба Яга перебралась в самую крепь и глушь, малыши носились по полянкам, пугая вездесущих любопытных бурундуков и белок. Стояла середина апреля, солнце пригревало вовсю, и уже успело обсушить взлобки и открытые елани, вытягивая из земли первые кандыки и подснежники. На заснеженных еще полянках в березовых околках уже пробивались первые сморчки, а на косогорах тянула к солнцу запашистые листья колба. И сколько радости было у ребятни, когда они натыкались на такую полянку или косогор, и спешили к маме, неся в подолах рубах первую добычу! До этого их по малости лет не брали в тайгу, и сейчас каждый день приносил им множество открытий. Мамы поначалу не отпускали их от себя, опасаясь, но потом круговерть каждодневных забот поглотила все их внимание, да и малыши далеко от зимовий не отходили, непременно возвращаясь с добычей, и с горящими глазами рассказывая о своих открытиях.

Котам на обустройство понадобилось совсем немного времени. Уже к вечеру они обжили новые территории и распределили их между собой. И сейчас тут и там на крышах и пенёках грелись на солнце пушистые прохвосты всех мастей. Кот по имени Кот моментально установил диктатуру на своем участке, подчинив своей воле все перемещения пушистых собратьев и полностью игнорируя собак. Собаки, к слову, вели себя по-разному. Серко, как и десятку других деревенских псов, тайга была не в новинку. А вот дворовые сторожа, всю жизнь пролавявшие на прохожих из-за высокого забора, пока чувствовали себя неуверенно. Жались к ногам хозяев, искали будку и от костров далеко старались не отходить. Таежные же псы постоянно сопровождали малышня в их играх, приглядывая за неразумными человеческими детьми, что тоже добавляло спокойствия матерям.

Сейчас переселенцы использовали каждую минуту хорошей погоды для того, чтобы обустроить быт. Валили лес, шкурили и оставляли сохнуть на солнце – через месяц-другой можно будет ставить дома поосновательнее временных сараев. Не такие, конечно, как оставили в деревне, но все же дома. Но первым делом соорудили загоны для скота и птичник. Помимо пастуха теперь на выпас с коровами и барашками ходил один из старшаков с винтовкой – зверья вокруг было много, медведи уже проснулись и бродили вокруг, приносясь к непривычным запахам и вслушиваясь в незнакомые звуки. Да и волки подавали голос, заставляя дворовых

псов поджимать хвосты, а таежных гневно щерить клыки. По ночам теперь двое старшаков несли службу, иначе медведь может корову или коня задрать.

В первую же ночь пронырливый хорек задушил несколько кур, но на поднявшийся переполох примчались собаки, и хорьку пришлось ретироваться. Наладить полноценную деревенскую жизнь в тайге оказалось непросто. Самой большой проблемой оказалась вода – на всех пары небольших родников не хватало, и мужики принялись рыть колодец. Место выбрали недалеко от родничка, в низинке. Копали долго и трудно – камни, песок и корни вперемешку с песком и глиной давались не сразу. Но в итоге колодец выкопали, и теперь у них была в достатке чистая родниковая вода.

Половина деревенских мужиков, все дети и женщины не знали правил поведения в тайге. На утро второго дня женщины взялись готовить завтрак, и едва не пустили пал. Отвлеклись от костра, занялись другими делами, и отлетевший уголек подпалил уже подсохшую на солнышке хвою. А сухая хвоя вспыхивает как порох, моментально и жарко. Увидел огонь маленький мальчишка по имени Петро. Он, не рассуждая, схватил с огня большой котелок с горячей уже водой, и выплеснул его содержимое в огонь. Мать, не разобравшись, сначала отстегала его розгой, а потом долго качала на руках и просила прощения, когда увидела пошедший пал и поняла, что виновата сама. Что стало бы с ними всеми, начнись в тайге пожар, страшно было представить. И это тоже было большой головной болью Матвеева отца – как уберечь поселян?

А у старосты голова болела о том, как же всех нормально разместить? Временные сарайки – не дело. В них холодно и сыро, и вскоре все зашмыгали носами, закашляли. Мужики как могли прогревали, утепляли сарайки, но все это помогало мало. Вот и старались все, от мала до велика, спеша поставить нормальные избушки. А пока в сарайки натащили сена и лапника, устлали ими земляные полы. В центре каждой сарайки стояла буржуйка, в которой не переставая горел огонь. За его поддержание отвечали ребятишки. Мужики же параллельно со всеми делами кололи дрова – из деревни брать дрова в тайгу никто не стал. И зря, как выяснилось. Времени ни на что не хватало, и было решено отправить в деревню за дровами несколько подвод.

Вечером собрались у костра на главной поляне, вокруг которой и были на разном удалении разбросаны сарайки. Костер Матвей распалил знатный. У сидящих вокруг огня людей раздумялись щеки, и женщины невольно отодвигались чуть дальше, пряча лица в тени. Дети были здесь же, со всеми. Они зачарованно смотрели в трескучий огонь и думали о чем-то своем, в общем разговоре никак не участвуя. Слово взял староста, Петр Милованыч, сухопарый и чуть сгорбленный от прожитых лет и недавних побоев, полученных во время набега лихих людей:

– Я вот что думаю, – начал он, сухо откашлявшись, – обжиться мы здесь обжились. Место доброе, вода теперь тоже есть, расстарались мужики. С едой, слава Богу, тоже проблем не имеем: коровник есть, молоко коровки дают, да и птица какая-никакая сохранилась. И тайга прокормит всегда: охота, рыбалка, грибы с ягодами да шишка, всего в достатке. Теперь самое время озаботиться нормальными домами. Не дело это – в сараях с малыми детьми жить! Так, нет?

Он обвел взглядом подслеповатых глаз сидящих вокруг костра людей. Никто не возразил, и староста продолжил:

– Значится, есть два пути у нас. Первый – тот, каким мы уже пошли, – он снова откашлялся, в этот раз гулко, громко, – валить лес, сушить бревна и ставить дома. Этак мы их до зимы ставить будем. В общем, лето на носу, и пережить можно вполне, не страшно. Но можно и ускорить это дело – построить не каждой семье по дому, а пару больших домов, как встарь родовые дома были. Что думаете?

Народ заперешептывался. Все уже и забыть успели, как это – большим гуртом под одной крышей жить. Каждая хозяйка в своем доме вольна что угодно делать, да и мужик в своем дворе хозяин. А тут ведь договариваться надо будет. Ээээх, как это все тяжело и не нужно....

Староста наблюдал за всеми молча. Его не зря над деревней старшим народ выбрал. Был он мудрым и добрым человеком, всем старался помочь и других к тому призывал. И сейчас по лицам видел, что не ко двору пришлась людям мысль про общие дома. Мужики насупили брови, женщины молча поглядывали друг на дружку, прикидывая, как ужиться будут.

Тогда он хлопнул ладонью по колену, сказал, не вставая:

– Есть и еще один путь. Разобрать несколько домов в деревне и перевезти их сюда. Дело трудное, да не сложное. За лето справимся. Но это ведь получается, что от домов своих мы отказываемся... так что ли?

Народ зароптал, загудел. Как можно? И так ведь ушли из деревни, лихих чужаков убоявшись. Так теперь еще и деревню на новое место перетаскивать? Да куда? В тайгу! Нет, это не дело.

Вперед шагнул Никодим. Поднял руки, привлекая внимание, отчего стал похожим на большого медведя, вставшего на задние лапы. Народ утих постепенно. В тишине раздавались только треск костра да шлепки ладоней, когда кто-то хлопал выющихся вокруг тучей комаров. Никодим дождался полной тишины и заговорил, весомо и тяжело:

– Мы тут можем долго рядиться. Да только легче от этого не станет. Дома ставить надо, это понятно. Везти их из деревни – дело заведомо бестолковое, – он покосился на протестующе вскинувшегося старосту. – Проще все же здесь лес брать и сушить. До осени управимся поди. Мужиков много, плотничать все умеют. Да и у многих в деревне запас бревен сухих, к ставлению пригодных, лежит. Я только четверых знаю, да и так поискать.

Никодим выговорился и сел. Это была очень длинная для него речь – обычно он выражался короткими рублеными фразами. Тогда вперед выступил отец Матвея. Народ оживился – все ждали от него верных идей и решений. Зашикали друг на дружку, призывая к тишине – голос у Матвеева отца был негромкий.

– Мы все должны понимать, что это война. Мы казнили главаря их отряда, остальных бросили в тайге на верную гибель. Они заслужили, но речь не о том. Мы должны вести себя осторожно. Так, чтобы если вдруг в деревню нагрянут, нас никак не нашли, – он говорил жестко, намеренно нагоняя страху на всех. Иначе кто-то рано или поздно засобирается домой, не выдержав тягот таежной жизни или захотев попроведать родной дом. И его слова возымели действие – женщины зажимали рты ладошками и округляли испуганные глаза, мужики хмурились.

Осмотрев всех внимательно, он продолжил:

– Ну а раз мы на войне, то и действовать будем как на войне. Сначала – разведка. Мы с Матвеем разведаем, что сейчас происходит в деревне. Нет ли чужих кого, все ли спокойно. Да и деда Власа надо попроведовать – один он там остался...

... – Не поеду никуда! Пусть тать ночной бегаёт, а я свой дом не брошу, – дед Влас упрямо выставил вперед свою густую белоснежную бороду и сдвинул кустистые брови. Староста развел руками – он битый час уговаривал упрямого деда ехать в тайгу вместе со всеми. Какие только аргументы не приводил – дед Влас твердо стоял на своем.

В разговор вступил Матвей:

– Влас Микитич, а ну как налетят лиходеи, пытать станут. Зачем оно тебе? Поехали с нами. Зимовье есть, печки теплой только нету, – про печку это он намеренно ввернул. Дед Влас хорохорился, не желая признавать старость.

Дед Влас покачал головой отрицательно, сказал:

– Да кому я нужен, Матвей Матвеевич? Старый никчемный валенок. Скажусь больным да шалым, отстанут. А ты будешь ко мне заглядывать, я тебе новости буду рассказывать, – он хитро глянул на Матвея, подмигнул...

Народ одобрительно загудел, староста приговорил:

– Ну пусть так и будет. Сегодня и идите, чтоб к вечеру вернулись. И на завтра тогда уже все придумаем.

Отец кивнул и поманил Матвея за собой, собираться. В отличие от охоты, в этот раз с собой они взяли только ножи, берданки и патроны. Идти нужно налегке, чтобы в случае чего легко оторваться от преследователей и увести их в сторону от остальных. Серко оставили на зимовье, он мог выдать их случайно. Отец не был уверен, что в деревне есть кто чужой, но береженого, как известно....

Часа через четыре они лежали на опушке, внимательно вглядываясь в дома на окраине. Из деревни не доносилось ни звука. Только стоящий далеко слева дом деда Власа выглядел обжитым, над крышей курился легкий дымок. Снег на дороге уже растаял, да и притаенный луг щедро попятнали обширные проталины. Матвей лежал рядом с отцом, напряженно вглядываясь в небо над деревней. Там кружило воронье. Он толкнул отца локтем, глазами показал на кружащихся над деревней птиц. Отец присмотрелся, сплюнул зло:

– Знать, пропастина какая на дороге лежит. Посмотрим. Вот что, сын, – он повернул голову и посмотрел на Матвея усталыми внимательными глазами, – сейчас мы с тобой пройдем с версту по тайге в сторону реки. Там перейдем вброд, поднимемся к деду Власу, поговорим. А потом на легкой ноге по деревне пробежим. Пошли.

Ступая легко, крадучись, поглядывая на деревню, они пошли к реке по самому краю тайги, не выходя на луг. Берданка уверенно тянула вниз, напоминая о подступающей усталости, но Матвей не обращал внимания, до настоящей усталости было еще очень далеко. Шли тихо, дышали бесшумно, отец за всю дорогу ни разу не закурил. Добрались, наконец, до намеченного места. Еще раз осмотрелись, прислушались. В деревне по-прежнему тихо. Воронье опустилось вниз, не кружилось больше. Скорым шагом они двинулись к речке, быстро пересекли ее вброд – талая вода с гор еще не пошла, вода на перекате была не высокой, едва достигая середины голени, так что перешли, не начерпав воды в сапоги. Дальше быстро поднялись к дому деда Власа. Тот уже открыл калитку и встречал их на пороге. Каюк крутился у ног, обнюхивая гостей: от них пахло тайгой. Зашли, обнялись, похлопывая друг друга по плечам. Дед Влас улыбался им как родным, наскучался старик в одиночестве.

Уселись в доме, дед Влас засуетился, вынул из печи чугунок с похлебкой, разлил ее по тарелкам.

– Уж верно голодные, соколики? Чай, в тайге не дом родной, холодно да голодно по весне.

Отец с улыбкой сказал:

– Да где ж голодно, Влас Микитич? Мы ж с собой и скот увели, и птицу, да и тайга кормит.

Дед Влас отмахнулся:

– Знаю я ваш скот, трясется над ним, как над торбой писаной. Натек-ка, похлебайте, сварил с вечеру, на косточке мясной, с перловкой да грибочками. Хороша получилась, наварила, – он выставил на стол полные до краев тарелки, соленые огурцы, хлеб. Сам сел напротив, уставившись на них слезящимися от старости глазами. Сдал дед Влас, буквально за эту зиму сдал. Они рядиться не стали, споро принялись за еду, расспрашивая хозяина о житье-бытье.

– Влас Микитич, приходил кто в деревню? – отец шумно отхлебнул густой похлебкой, глядя на деда.

Тот сказал:

– Нет, Матвей, не было никого. – Отца он всегда звал просто по имени. – Я по деревне гуляю каждый день, приглядываю. На вашей улице корова подохлая лежит, Васькина. Как он ее проворонил? Страшно в деревне, – добавил он вдруг и вздохнул тяжело.

Матвей оторвался от похлебки, которая и вправду была очень вкусной:

– А отчего страшно, Влас Микитич?

Тот глянул на него с грустью, ответил упавшим голосом:

– А от того, Матвей Матвеевич, что дома вокруг мертвые стоят. Смотрят на тебя пустыми окнами как черепа глазами, и ни звука. Скрипнет где ставня, так сердце обрывается. А когда ветерок, так вообще хоть плачь: воет он в пустых трубах, как волк раненый. И вся деревня как раненая. Или убитая.

Матвей передернул плечами, представив себе эту картину. Прав дед Влас, без людей мертва деревня.

Отец, спеша сменить тягостную тему, спросил у хозяина:

– Влас Микитич, тебе может надо чего? Дров там, мяса привезти? Завтра же все привезем.

Дед Влас кивнул благодарно, глянул повлажневшими глазами:

– Дров полон дровяник, не надобно. А мяса... много ли мне нынче надо, Матвей? Есть пока запас, хватит. А вот вам я с собой солонины да рыбы вяленой дам – много у меня. Все хотел сыну отдать, да он не едет.

В голосе его слышалась такая тоска, что Матвею не по себе стало. И он предпринял еще одну попытку заманить деда в тайгу:

– Влас Микитич, а может все же с нами пойдешь? Нам там в тайге без твоего опыта ох как тяжело.

Влас Микитич глянул на него не по-стариковски остро, покачал головой:

– Хитер ты, Матвей Матвеевич, ох и хитер. Пошто тебе в тайге мой опыт? Вы с отцом два первых таежника в деревне, чем я вам там помогу?

Но Матвей видел, что старику бальзамом на душу упали слова о его нужности. Отец одобрительно взглянул на сына, кивнул и подхватил:

– Верно говоришь, Влас Микитич, в тайге мы лучшие. Но мы ведь в тайге деревню ставим, жизнь налаживаем, вот этот опыт твой нам очень нужен. Тебя все в деревне знают и любят, к слову твоему каждый прислушается. А и тебе веселей, не одному тут сычем сидеть. С домом твоим не случится ничего, на отшибе он. Пошли с нами? – он вопросительно уставился на деда Власа. Тот кивнул нехотя:

– Подумаю, Матвей. Крепко подумаю. Твоя правда, тяжело мне одному. И тоскливо в деревне, хоть ложись и с ней вместе помирай.

Отец встал из-за стола, одернул подпоясанный ремнем короткий полушубок:

– Мы пойдем по деревне пробежимся. Надо поглядеть, где у кого бревна лежат – вывозить хотим, дома ставить. Народ по сарайкам с детьми живет, простудились все. А обратным ходом к тебе заглянем.

Дед Влас кивнул и пошел их проводить. Они пошли, а он стоял в калитке и глядел на тайгу. Матвей был уверен – деда они заберут. Но не сегодня, не на себе же его нести? Завтра приедут подводы за бревнами, на одну из них и устроят деда с его небогатыми пожитками.

В деревне они с отцом разделились, пошли разными улицами. Отец еще раз наказал Матвею:

– Смотри внимательно по сторонам и слушай. Первая задача – не попасться никому на глаза. Вторая задача – запоминать, где и сколько бревен лежит. Третья задача – запоминать, сколько у кого дров запасено. Вывозить будем все.

Первая же сотня шагов убедила Матвея в правоте деда Власа: в деревне было жутко. Полная, абсолютная тишина. Такие знакомые с детства улицы вдруг стали чужими, неприветливыми и холодными. Не залает собака, не замычит корова. Матвей понял вдруг, как много в жизни значат привычные звуки. Не стало их, и как будто что-то потерял. Душа ворочается беспокойно, пытаясь устроиться поуютнее, да не получается, очень уж вокруг неуютно. Грязь

на улице была не тронута следами. Ни тележной колеи, ни следов сапог и копыт, ничего. Матвей невольно шел вдоль заборов, стараясь не оставлять следов и не маячить посреди улицы. Случись кому сюда глянуть, не сразу его и разглядишь на фоне серых от времени дощатых заборов да голых кустов и деревьев.

Шел и запоминал, где что лежит. А в голове крутились мысли: не зря ли они так спешно снялись с места? Не зря ли бросили деревню? А вдруг не придут бандиты, а они вот так круто поменяли жизнь?

Улица за улицей, двор за двором Матвей обходил деревню, и в душе его крепла злость. Злость на всех этих красных и белых, из-за которых целая деревня снялась с места и живет теперь в тайге. Он решил для себя, что обязательно вернется сюда. В свой дом. И будет в нем жить. Мысли о своем доме заставили его остановиться, а потом развернуться и направиться туда, где вырос.

Ноги сами несли его, и сердце билось учащенно. Зайдя во двор, увидел отца. Тот сидел на крыльце и курил, молча глядя перед собой. Похлопал, как в детстве, по ступеньке рядом с собой – садись, мол. Помолчали. Потом отец спросил:

– Как думаешь, сын, не зря мы снялись с места? Может, и отбились бы, а?

Матвей вскинул на отца глаза:

– Знаешь, бать, я вот шел сейчас и о том же думал. Но потом вот о чем подумал: а если придут? И что тогда? Стрелять на улицах, вот здесь прям? А дети? А женщины? Им этот ужас зачем и за что? Нет, бать, правильно мы ушли. Не придет никто до осени – вернемся. Дома подправить недолго. А сено поставить мы и из тайги выйдем, так? И хлеб тоже.

Отец кивал в такт его словам, соглашаясь, сказал:

– Знаю, сын. Сам об этом всем думал. Все так. Но душа не на месте что-то. Ладно, – он притушил окурок и сунул его в карман. – Ни к чему следы оставлять. Даже в своем доме...

К деду Власу вошли в момент, когда он, кряхтя, вытаскивал из комнаты большой сундук. Собрался дед, точно собрался. Матвей кинулся помочь тянуть тяжелый сундучище.

Дед Влас повернулся к отцу, сказал:

– Вот что, Матвей. Иду с вами, решил. Вот только как переть это все? Бросать никак нельзя. Тут у меня глянь-ка чего, – он открыл сундук, и они обомлели – там ровными рядами лежали мешочки с дробью, порохом, гильзами. Отдельной стопкой стояли коробки со снаряженными патронами к берданке. Отец поднял изумленные глаза:

– Влас Микитич, тут же цельный арсенал. И винтовка есть?

– Есть, как не быть. И не только винтовка. Так как увозить будем?

Отец отошел немного от удивления, ответил:

– Да просто, Влас Микитич. Завтра сюда подводы пойдут за дровами, да несколько коней за бревнами. Ну и для тебя и твоего добра телегу пригоним. Собирай пока. Матвей сегодня у тебя останется, поможет. А я к нашим пошел. Надо им рассказать, сколько чего вывозить будем, да и спланировать, как и что.

На том и порешили. Это была самая странная ночевка в жизни Матвея. До полночи они с дедом Власом собирали и увязывали его пожитки. С ненужными вещами Влас Микитич расставался легко, отставляя их в сторону. Понимал, что много в тайгу не увезешь. И все же набралось достаточно, за долгую жизнь он сумел накопить прилично добра. Главным его богатством были рыбацкие принадлежности и оружие с боеприпасом, да оставшиеся вышитые женой косоворотки. Остальное – постольку—поскольку. Но оставлять лиходеям хоть что-то полезное он не хотел, поэтому собирали все. Отставленные в сторону ненужные лично ему вещи они потом еще раз осмотрели, забрав то, что может пригодиться другим. Остальное вынесли за ворота и сожгли в большом костре. Остатки каких-то тряпок догорали в огне, а Влас Микитич сидел на бревнышке и смотрел в огонь, прощаясь с прошедшим. Матвей не мешал, не лез с разговорами. Дед Влас заговорил сам, все так же глядя в огонь:

– Родился я, Матвей Матвеевич, в этой самой деревне, давно родился. Десять годов мне было, когда в стране крепостину отменили. Помню, отец с мамкой все собирались тогда куда-то перебираться. А потом остались, не поехали. Братьев у меня было аж семь человек, да две сестренки. Пригожие такие, Авдотья да Агафья. Беленькие обе, ровно пшеничные волосы, косы толстенные, глазищи такие... Помню, Агашка как-то сбила подойник с молоком. Молоко по двору растеклось, мамка руками всплеснула. А Агашка стоит, кулачки к груди прижала и глазищи свои на мамку подняла. А в них слеза закипает... и мамка даже ругаться не стала. Такая Агашка как ангелок стояла, у мамки рука не поднялась. Братья выросли да разошлись кто куда. Младшой, Петро, так вообще до Ново-Николаевска дошел. Работает там где-то, а где не ведаю. Мамка с отцом померли давно, а я вот остался. Сына родили мы с моей Машей, да померла она. Простыла и не выходили ее бабки. Сын вырос и в Бийск подался, ну да то ты знаешь. Живу сычом, думал уж помирать, а оно вон вишь как повернулось. Поскрипим еще чутка.

Матвей решил прервать рассказ:

– Влас Микитич, а патронов у тебя столько откуда? И прочего всякого?

Дед Влас усмехнулся:

– То от сына. Он каждый раз мне их из города везет. А я ж не охотник. Но хранил, думал, может ему пригодится. Но вот сейчас уезжать надо, не оставлять же. Пусть людям послужит это все. Мне без надобности, а так все польза.

Матвей кивнул согласно, зевнул широко. Дед Влас засуетился:

– Заболтал я тебя совсем. Ну-ка пойдем спать, голубь. Завтра дел много.

До рассвета оставалась пара часов. А там отец приведет подводы, и нужно будет помогать вязать бревна, грузить дрова. Предстоял следующий долгий день.

Глава 2

Солнце еще не поднялось над тайгой, когда первые кони ступили в быструю реку, преодолевая ее наискось. Дед Влас уже не спал и вовсю суетился у печки, выставляя на стол кашу и горячий чай. Матвей вскочил, умылся быстро, выскочил на двор, глянул из-под руки вниз, за реку. Идут.

Зевнул широко, потянулся с хрустом, отворил ворота. Первая подвода уже вползала в гору, влекомая кивающей на каждый шаг пегой лошаденкой. Дед Влас вышел на крыльцо:

– Матвей Матвеевич, пойдем завтракать. А то ить не успеешь, закрутишься.

И то верно, дел сегодня много. Да и то одним днем вряд ли управятся. Много дров в деревне, в каждом дворе запас немалый с зимы остался.

Матвей выбирал из чашки остатки каши, когда дверь скрипнула, и в избу ввалился Никодим:

– По здорову, Влас Микитич. Привет, Матвей.

Дед Влас кивнул приветливо:

– И тебе не хворать, Никодим. Садись к столу, каша не остыла еще.

Никодим отказался:

– Спасибо, Влас Микитич, нет времени совсем. Давай мы пока твой скарб в подводу скидаем, да езжай с Богом.

Матвей подскочил, натянул овчинку, вышел вслед за Никодимом на двор, где пара старшаков уже складывали приготовленные к перевозке вещи. Каюр крутился тут же, пихая нос в каждый узелок – проверял, все ли правильно делают.

Быстро управились с погрузкой, не так и много вещей дед Влас решил с собой забрать. Подводу выгнали за ворота. Дед Влас вышел из дома, спустился с крыльца. Постоял немного, окидывая двор долгим взглядом, словно пытаясь запомнить. Затем повернулся лицом к дому, поклонился низко, перекрестил дом, перекрестился сам и пошел со двора, низко склонив голову...

Матвей постоял немного, провожая взглядом его сгорбившуюся фигурку, темным силуэтом выделявшуюся на фоне сложенных вещей, и пошел в сторону главной улицы, где кипела работа.

Солнце успело перевалить за полуденную черту, когда Матвей отправил последнюю из загружавшихся с утра подвод. Он с отцом и парой старшаков остался в деревне. Старшаков отправили в сторону дороги, следить, не появится ли кто посторонний. Сами же с отцом уселись на крылечке очередного дома, передохнуть. Руки саднило от постоянного соприкосновения с жесткой корой пролежавших зиму поленьев, да и бревен наворочали немало. Семь лошадей утанули с собой в тайгу по хорошей вязанке сухих бревен, годных для строительства. А ведь все эти бревна нужно было ворочать, обвязывать веревками... тяжелый труд.

Отец закурил, уронив на колени натруженные руки, сказал, глядя на Матвея весело прищуренными глазами:

– Любава все справлялась, как у тебя дела. А потом так и вовсе порывалась с нами ехать. Боевая девка, а, сын?

Матвей пожал плечами:

– Наверное...

Отец продолжил, прокашлявшись гулко:

– Кажется мне, сын, глянулся ты ей. И то сказать, жизнь спас девчонке. А девка она красивая, статная. Парни вокруг так и вьются, – и уставился вопросительно.

У Матвея при этих его словах сердце застучало радостно, но виду он не подал:

– Может и вьются, – буркнул угрюмо, глядя в землю.

Но отец, похоже, решил добиться ясности, и продолжил, посмеиваясь:

– А ты что же? Что думаешь? Про Любаву-то?

Матвей растерялся. Он не думал об этом, некогда было. Чувствовал и сам, что нравится Любаве. Она вообще легко влилась в их компанию. Поначалу девчата ревновали к ней парней, что и неудивительно. Яркая, гордая красота Любавы тянула парней как магнитом, и каждый старался заговорить с ней, помочь чем-то. Но она никого не выделяла, общалась со всеми одинаково дружелюбно, привыкая к таежной жизни. Для нее эта жизнь была внове. Деревенские девчата жили неделями на покосах и становой быт вести умели, а она и из города никогда не выезжала. Она не стеснялась обращаться с вопросами, когда что-то было непонятно или незнакомо, смеялась над своими ошибками, охотно бралась за любую работу. И девчата постепенно оттаяли, приняли ее в свою компанию. А еще Любава очень красиво пела. И иногда, сидя у большого костра, староста просил ее спеть что-нибудь. Над тайгой разливался ее богатый, глубокий и нежный голос. Разговоры у костра затихали, даже ребятня переставала гомонить. Мужики слушали, уставившись в огонь, а женщины тайком утирали невольные слезы.

Чаще других за советом Любава шла к Матвею. За обедом подкладывала в его чашку куски мяса повкуснее, подливала чай и вообще всячески ухаживала. По вечерам пела свои песни, глядя на него сквозь огонь. И если он вдруг замечал ее взгляд, жарко краснела. Все это заставляло его сердце радостно бухать в груди, но растерянные Анюткины взгляды...

После того, как деревня перебралась в тайгу, времени на общение у них почти не было. Только вечерами у общего костра болтали о чем-то. И сейчас Матвей не знал, что же ответить отцу. Так и сказал:

– Не знаю, батя, что думать. Не знаю.

Помолчали. Потом отец сказал, меняя тему разговора:

– Надо будет нам, сын, как-то следы укрыть. От бревен сейчас такая колея в тайгу идет, что только слепой не заметит. И если все же сюда кто придет, найти им нас будет проще простого.

Матвей воззрился на отца озадаченно:

– А как? Луг водой напился, вот и колея. Скорее бы трава встала.

Отец вздохнул, докуривая и комкая окурки:

– До травы еще добрая неделя, а то и две, как погода будет. Вот и думай, голова.

Они поднялись. Первые подводы вот-вот вернутся за второй партией дров, пора было работать.

В этот день они свозили на зимовье дай Бог если треть от запланированного. Отец прикинул так и этак, и решил остаться на ночь в деревне. Во-первых, нужно спланировать завтрашние работы. Во-вторых, если вдруг нагрянет кто чужой, они смогут предупредить остальных. Да и устали они изрядно, хотелось уже отдохнуть. Ночевали в доме деда Власа. Печь была протоплена, дом не остыл, и, протопив её еще немного на ночь, они устроились на ночлег. Матвей с наслаждением разделся и вытянулся на лавке, давая отдых натруженной спине. Мышцы сладко заныли, расслабляясь... Хорошо!

Он уже почти заснул, когда раздался шепот отца:

– Сын, на дворе кто-то есть. Тихо, не шуми.

Матвей пружинисто вскочил, на цыпочках подошел к окну, выглянул. Никого. Света они не зажигали, и снаружи дом выглядел пустым.

Отец уже стоял у входной двери с винтовкой наизготовку. Матвей подхватил свою винтовку и подошел, стараясь не скрипеть половицами. Дом у деда Власа был добротный, и полы не гуляли.

Плавнo передернул затвор, замер, прислушиваясь. Снаружи и правда доносились шаги. Кто-то не таясь перемещался по двору. Так, будто был уверен, что хозяина нет в доме. Матвей вопросительно глянул на отца – в темноте был виден только его силуэт да блестели белки

глаз, отражая попадавший в окно без занавесок свет от желтой, как головка сыра, луны. Отец отрицательно покачал головой, прошептал:

– Ждем, сын. Может, походит да уйдет восвояси. Если в дом не пойдет – пусть уходит.

Матвей кивнул, и в этот момент чьи-то уверенные шаги забухали по крыльцу. Скрипнула дверь, хриплый мужской голос четрыхнулся: темно, не видно ни зги.

Матвей с отцом одновременно отшагнули в разные стороны, беря дверной проем на прицел. Дверь открылась, незнакомец шагнул внутрь. Шагнул уверенно, глядя под ноги. Захлопнул за собой дверь, поднял глаза и уперся взглядом в дульный срез. Винтовка в руках Матвея почти упиралась ему в лоб. Он замер, а отец сказал:

– Руки подними и стой спокойно. Сын, держи его. Побежит – стреляй.

Незнакомец дернулся, спросил:

– Мужики, да вы чего, а? Я ж просто поночевать, дом же брошенный стоит. А вы чего подумали, а?

Матвей молча рассматривал чужака. Аккуратная борода и щегольские усики, на голове фуражка, перепоясанная портупеей шинель, заляпанные грязью яловые сапоги. Взгляд серых глаз уверенный, спокойный, совсем не вязался с тоном, да и с заданным вопросом тоже.

Отец тем временем затеплил масленку, поднес ее к самому лицу незнакомца, разглядывая внимательно. Тот скосил глаза:

– Руки-то можно опустить?

Матвей сделал шаг назад, отец кивнул:

– Опusti. Садись на лавку, руки на колени положи, чтоб я видел.

Чужак повиновался, сел и уставился на отца вопросительно. Отец спросил:

– Кто таков? Чего ищешь в деревне? Откуда пришел и куда идешь?

Тот усмехнулся:

– Что, даже чаю не нальете?

Отец промолчал в ответ, и чужак сказал, четко и уверенно:

– Штабс-капитан Ухов, отбился от отряда. В деревне искал еды и ночлега. Куда иду тебе знать не надо. А вы кто таковы?

Отец хмыкнул и продолжил расспросы:

– Что за отряд? Сколько вас и куда идете?

Ему было важно узнать, не разведка ли это от карателей. Подумав об этом, он задал самый важный вопрос:

– Кроме тебя в деревне есть еще люди?

Ухов взглянул пронзительно, покачал головой:

– Один я. Говорю же, отбился от отряда.

Отец помолчал, потом сказал, обращаясь к Матвею:

– Веревку давай.

Они споро связали Ухова, уложили его на лавку. Сами быстро оделись и вышли на крыльцо. Отец сказал Матвею:

– Надо осмотреться вокруг. Не верю я ему. Пришел он именно в этот дом, на самый край деревни. Или он через реку пришел, или я не понимаю, зачем именно сюда. Вся деревня пустая. Пошли помаленьку. Идем тихо, вдоль заборов, в тени, слушаем. Если кто есть, нас не ждут, наверняка шумнут. И если кто-то в деревне есть, уйдем в тайгу.

Деревню они обошли примерно за час. Никого не увидели. Похоже штабс-капитан и вправду один. Один, без оружия... странно все это.

Вернувшись в дом, они обнаружили веревку на полу. Нежданный гость развязался и ушел.

Отец только в затылке почесал – и как он так умудрился распутать узлы? Ох и непростой штабс-капитан. Что делать дальше? Куда подался чужак? Чем им это грозит? Что теперь делать? Столько вопросов и ни одного ответа.

Проснулись они затемно, толком не выспавшись. Нужно было встречать первые подводы. Небо хмурилось с утра, затянутое тяжелыми свинцовыми тучами, дул пронизывающий северный ветер. Вот что значит весна. Ночью небо было ясным. Матвей поежился, запахнул поплотнее телогрейку и зашагал вслед за отцом, оскальзываясь на грязи.

К вечеру удалось вывезти почти все, осталось дров на пару подвод да с пару десятков бревен. Матвей с отцом стояли на окраине деревни, глядя на уходящую в лес подводу. Кони стояли рядом, послушно ожидая, когда они решат все же ехать.

Перед ними расстился луг, по которому за эти два дня протащили около полутора сотен связанных в вязанки бревен. Луг был перепахан, истоптан копытами, и вывороченная жирная земля черным следом уходила прямо в тайгу. Они думали о том, как же скрыть этот след. С ними в деревне осталось еще с десяток мужиков, и сейчас все они столпились чуть поодаль, поглядывая иногда на небо. Отец сказал Матвею:

– Вот что думаю. Сейчас спустимся все и уйдем к лесу. Привяжем там коней, а сами вернемся обратно и начнем лопатами сгребать землю в колею. Хоть как-то закидаем, заровняем. Небо вон как хмурится, того и гляди ливень пойдет. Он-то нам и поможет. Земля мягкая, оплывет быстро.

Матвей слушал внимательно, потом подхватил:

– А в тайге выкопаем несколько кустов поразлапистее и вкопаем на входе. Кто глянет отсюда, ни за что не поймет, что дорога тут.

Отец кивнул одобрительно, но в глубине души не верил во все эти предосторожности. Кто захочет найти – найдет, не обманешь. Но делать все равно что-то надо.

Провозились до самой темноты. Оставшиеся в деревне дрова решили не забирать – староста тоже сильно обеспокоился, узнав о пропавшем пришельце. К зимовью добрались уже глубокой ночью. На середине пути их застал внезапный снегопад. Снег падал и падал большими хлопьями, покрывая еще не успевшую нагреться землю белым ковром, чему Матвей был несказанно рад. После такого снегопада разглядеть их следы будет очень нелегко.

Жизнь на зимовье шла своим чередом. Привезенные бревна сразу ушли в работу. С раннего утра стучали топоры и визжали пилы, над зимовьем витал стойкий запах свежих опилок – мужики ставили дома. В тайге строилась целая деревня. Не такие основательные, конечно, как в их деревне получались дома, скорее похожие на летние кухни. Но ведь и жить они здесь собирались до снега, а потом всерьез рассчитывали вернуться домой, в деревню.

Дождавшись вёдра, женщины упросили старосту отправить их в деревню, зачать огороды. Тайга тайгой, а и без привычных овощей стол не оставишь. Вои и выходило, что нужно было организовать заезды в деревню для обработки огородов. Сначала думали, что мужики поедут – безопасней все же. Но потом на общем сходе решили, что мужики заниматься будут домами и охотой. А женщин будут охранять несколько человек с оружием, из охотников. Матвеев отец предложил такой вариант: взять несколько огородов рядом и их обрабатывать. А мужики в домах вокруг будут сидеть. И в случае чего выйдут на защиту, а женщины тем временем разбегутся. План не понравился никому, но лучшего никто не предложил.

Сначала в деревню выдвинулись Матвей с Игнашкой, проверить, нет ли пришлых. С ними за старшего пошел Никодим. Мужик он был здоровый, крепкий, и в случае чего мог оказать немалую помощь.

В котомки уложили запас еды, следуя мудрому правилу «Идешь на день, еды бери на два», запас патронов. Вспрыгнув в седло, Матвей легонько ткнул коня пятками в бока. Игнашка на своей кобылке пристроился следом, Никодим замыкал небольшой отряд. Двигались не спеша – в темноте кони рисковали запнуться о какое-нибудь корневище, и тогда паде-

ния не миновать. Матвей ехал, думая о своем: вчера вечером Анютка подошла к нему, хотела сказать что-то, но тут Любава поднесла ему чаю, и Анютка молча ушла. Что она хотела сказать? Матвей решил сегодня же вечером поговорить. Пора было внести ясность.

А пока они неспешно ехали по просыпающейся тайге. В густых утренних сумерках слышно было лишь всхрапывание их коней да где-то невдалеке куковала кукушка. Ночная стынь пробиралась под одежду и заставляла зябко передергивать плечами. По ясному небу постепенно разливался розовый рассвет, заставляя ночных хищников забираться по норам. К обеду выпавший последний снег стает, это точно.

Решили к деревне выходить с другой стороны. Лучше пройти пару лишних верст, но не оставить следов. Добравшись до опушки, они свернули направо, в сторону отцовского промыслового участка. Двигались в густом подлеске, скользя неслышными в сумраке тенями, поглядывая в сторону замершей в оцепенении деревни. Ни звука не доносилось с той стороны. Ни лая собак, ни бряцанья подойников и мычания коров – ничего. Дома на окраине смотрели на реку и стоящую за ней тайгу слепыми бельмами темных окон, и это живо напомнило Матвею глаза мертвого Прошки...

Он постарался отвлечься от мрачных мыслей, принялся еще раз обдумывать составленный накануне план. Отец наказал ему зайти в деревню как можно дальше от основной тропы. Сначала они должны осмотреть деревню издали. Если есть чужаки – они проявятся. Затем они с Игнашкой должны пешком войти в деревню и присмотреться, что и к чему. На Игнашку выбор пал потому, что благодаря своему характеру и неумной болтливости он мог заболтать кого угодно. И если вдруг их обнаружат, они скажутся сиротами из дальней деревни, которые идут в Уймон и здесь ищут еды. Матвей пошел потому, что с отцом уже обходил деревню и имеет представление о том, как правильно это делать. Никодим должен остаться с лошадьми и быть готовым прийти парням на выручку.

Добравшись до опушки за небольшим пригорком – из деревни это место видно не было. Спешились, Матвей с Игнашкой легко поднялись на вершину пригорка, залегли в подлеске, принялись наблюдать за деревней. Долго смотрели, напрягая глаза. Солнце к этому моменту уже поднялось и залило деревню теплым розовым светом. Деревня лежала перед ними как на ладони, и было прекрасно видно, что там никого нет. Полежали, наблюдая, затем Игнашка сказал почему-то шепотом:

– Ну что, пойдем? Вроде нет никого.

Матвей кивнул, поднялся и принялся первым спускаться вниз...

Реку пересекли, сначала ступая осторожно по упавшей в реку старой березе, а затем прыгая с камня на камень. Но перед самым берегом было чистое пространство шириной метров в пять, которое им пришлось преодолевать вброд. Ледяная вода сильно давила на ноги, норовя сбить и унести за собой, и ноги моментально потеряли чувствительность. Они разулись, стоя на большом камне и изо всех сил пытаясь удержать равновесие. Все же лучше немного заморозить ноги, но потом обуть сухие теплые сапоги, чем весь день ходить в мокрой обуви. А в том, что они начерпали бы воды, Матвей и не сомневался – глубина здесь доходила до середины бедра.

Переправились. На берегу быстро обтерли ноги и обулись, стуча зубами от холода. Немного согревшись, пошли в сторону деревни. С этой стороны они входили в деревню возле дома тетки Аксины – сухопарой, желчной и всем всегда недовольной. Дом ее располагался на окраине, и сразу за ее огородом начиналась пустошь, на которой росла только короткая травка и редкие кусты чертополоха. Почему-то Матвей всегда считал, что так и должно быть.

Зашли в деревню, прислушались. Тихо. Только Игнашка от волнения часто и шумно дышал. Вышли на улицу, миновав старенький и чуть скособоченный дом Аксины. Когда открывали калитку, она пронзительно скрипнула. Так, что слышно было, наверное, на другом конце деревни. Матвей сморщился, но делать нечего, нужно идти. Двинулись по самой сере-

дине улицы, не скрываясь. Если вдруг кто чужой есть, он не должен увидеть их крадущимися. Они ведь сироты, которые ищут какой-нибудь еды.

Прошли одну улицу, свернули в проулок, и Матвей вдруг резко остановился. Игнашка не ожидал и врезался в его спину, но Матвей же даже внимания не обратил. Присел на корточки и присмотрелся к чему-то на раскисшей земле. Игнашка заглянул через его плечо и увидел крупные собачьи следы. Много. Спросил севшим голосом:

– Собаки? Откуда?

Матвей приложил ладонь к следу – едва накрыл. Покачал головой отрицательно:

– Это не собаки, Игнат. Это волки. Самые настоящие. И след свежий совсем, не успел еще оплыть. А мы вообще без оружия.

Он поднялся, глянул на враз подбравшегося друга. Все верно, у сирот не может быть винтовок. А в том, что волки в деревне, ничего удивительного – люди ушли, и природа берет свое. Они огляделись настороженно, но никаких волков, конечно, не увидели. Волк – зверь осторожный, человека всеми силами избегает.

Дальше шли осторожнее. Вышли сначала к дому Матвея, посмотрели, послушали – тишина. Затем двинулись дальше. Когда дошли до дома Игнашки, тот засопел: переживает парень. Глянул на Матвея просительно, тот кивнул – пойдём, мол. Он прекрасно понимал чувства друга. Не просто взять и забыть свой дом. А увидеть его пустым и мертвым вообще очень тяжело. Зашли во двор. Игнашка оббил грязь с сапог, поднялся на крыльцо, открыл дверь, шагнул внутрь. Матвей не пошел за ним, не стал мешать другу. Игнашка вышел через пару минут и полез зачем-то на крышу бани. Матвей удивленно наблюдал за другом, но спрашивать ничего не стал. А Игнашка вскоре вылез с чердака бани, сияя довольной улыбкой, скатился по лестнице вниз, подошел к Матвею:

– Захоронка у меня там была. Когда уезжали, не смог незаметно пробраться. А теперь вот видишь, – он протянул Матвею раскрытую ладонь, на которой лежали круглые часы на простой грубой веревочке. Часы были прекрасны! Матвей ни разу в жизни не видел такой красоты. Серебряные (он откуда-то точно это понял), с рисунком на выпуклом корпусе, изображавшем какого-то усатого мужика с шашкой наголо, они приковали его взгляд. Взяв в руки, он нажал на торчащую из корпуса круглую шишечку, и крышка часов откинулась в сторону, показывая белый строгий циферблат с тонкими полосками цифр и бегущей секундной стрелкой. Матвей приложил часы к уху – идут.

Он протянул часы другу, спросил:

– Откуда они у тебя?

Игнашка довольно осклабился:

– Выменял у городского одного, когда с отцом в Бийск ездил.

– А чего ты ему взамен дал?

– А шкурку лисью. Помнишь, я в силки лису взял?

Матвей только головой удивленно покачал. Он всегда знал, что его друг – настоящий проныра. Вышли за ворота, и вдруг со стороны въезда в деревню послышался топот копыт. Они метнулись назад, спрятались за закрытой калиткой, припав к щелям в воротине. Матвей горько пожалел о том, что их следы четко виднелись в грязи. Но с этим ничего не поделаешь.

А топот тем временем нарастал: неизвестный летел по улице, явно торопясь. Наконец показался всадник на кауром жеребце: молодой, щеки разругались, из-под картуза выбивались смоляно-черные кудри. Жеребец замедлил шаг, и всадник заозирался удивленно. Почесав в затылке, он вдруг обратил внимание на тянущуюся к калитке цепочку следов. Направил коня к воротам, гулко бухнул в них кулаком, крикнул зычно:

– Выходи, кто ни есть! Где вы тут все, померли что ли?

Подождал чуть, продолжил:

– Выходи, говорю! След только во двор ведет, обратно нету.

Матвей вздохнул, посмотрел на друга. Надо выходить. Да и опасаться нечего вроде. Оружия у парня нет, а на кулаках Матвей никого не боялся. Сделав Игнашке знак оставаться внутри, он открыл калитку и вышел. Всадник тут же спрыгнул с коня, шагнул к нему, улыбаясь широко:

– Здорово были. Ты один тут что ли? – он обвел рукой улицу.

Матвей ответил, разглядывая его внимательно:

– Один как видишь.

– А где все? Деревня пустая совсем.

– А мне откуда знать, – Матвей развел руками удивленно, – я не местный. Сам удивляюсь, куда все делись.

Паренек посмотрел на него недоверчиво:

– А чего тогда здесь делаешь?

Матвей ощерился:

– А ты кто таков, чтоб я тебе отчет давал? Сам-то чего тут делаешь?

Парень насупился, сказал напряженно:

– Кто я таков? Я вестоноша, понял нет? И в деревню эту меня послали. А вот зачем, то я тебе не скажу. Ты все равно не местный.

Матвей лихорадочно думал, как же выведать, что за новость нес парень? И тут его осенила отличная мысль:

– А тут со мной местный есть. Это его дом, – он кивнул за спину.

– Да? И где он?

Матвей повернулся, крикнул нарочито громко:

– Игнат! Выйди сюда, дело к тебе у человека.

Вот так. Вроде теперь и неудобно парню будет отказываться от своих слов.

Игнат вышел, встал рядом с Матвеем:

– Ну, что за дело?

Парень с сомнением посмотрел на друзей, протянул:

– Как-то не похожи вы на местных...

Похоже, из вредности больше сказал. Матвей усмехнулся:

– А какие они должны быть, местные-то? С тремя ногами что ли? Или головы может две?

Парень же упрямо продолжал:

– Чем докажешь? – это уже Игнашке.

Тот проигнорировал вопрос, спросил в ответ:

– Что за дело-то?

Парень помолчал, потом сказал:

– Да простое дело. Сюда к вам собираются из города ехать представители народной партии большевиков, с народом разговаривать. Про жизнь новую рассказывать, защиту обеспечить. А с кем говорить-то? Нет никого. С тобой что ли? Где все?

Игнашка беспомощно оглянулся на друга – что говорить в таком случае они не обсуждали. Матвей отодвинул его плечом чуть в сторону, сказал:

– А нет никого. Тут от ваших большевиков бандиты приходили, пограбили деревню. Народ разбежался кто куда. Дома теперь пустые стоят. Понял?! – он с вызовом глянул парню в глаза, и тот не выдержал, отвел взгляд.

Матвей же продолжал наседать:

– Вот и скажи, нужны нам ваши большевики? Или лучше мы сами по себе поживем?

Парень сказал:

– Сами по себе больше никак. Власть новая сильная, всех под защиту берет...

Матвей перебил:

– Под какую защиту?! Это когда с шашками на баб с детьми налетают? Или когда скот угонять пытаются? Или когда старосту – деда старого – на землю сшибают и ногами топчут? Это твоя защита?!

Парень смутился еще больше:

– Да я-то чего? Мне сказали сообщить, я сообщаю.

Он запрыгнул на коня и смотрел на друзей сверху. Конь приплясывал под ним, переступал с ноги на ногу, нервно грыз удила и явно порывался сорваться в бег. Матвей протянул руку, взял коня под уздцы, посмотрел парню в глаза:

– Ты вот что, парень. Скажи этим партийным, что нету здесь никого. Некого под защиту брать. Разошлись люди и дома бросили. Сам же видишь.

Парень кивнул согласно – вижу, мол. Потом сказал:

– Не долго пустыми простоят. Много пришло, им жить где-то надо. Найдут деревню вашу и займут. Что делать будете?

Матвей вздрогнул внутренне – о такой возможности он и не думал даже. А ведь и правда могут! Но вслух сказал другое:

– Придут чужие – будем решать как-то. Но пока ведь не пришли, так? А если ты не станешь на каждом углу про пустую деревню кричать, так может и не узнает никто.

Парень нахмурился:

– Но ведь я должен буду сказать, что нет здесь никого. Так что узнают наверняка.

Матвей закусил губу, задумался. Прав паренек. Но ничего не поделаешь, не брать же его в плен. Ничего это не изменит. Он кивнул парню, отпустил зло огрызающегося жеребца.

– Бывайте! – парень ударил пятками в бока коня, и тот сорвался с места, помчал вдоль улицы, разбрасывая из-под копыт комья жирной грязи. Матвей постоял еще, глядя ему вслед, затем повернулся к другу:

– Вот что, Игнат, надо к нашим спешить. Деревня пуста, нет никого. Но то сегодня. А вот что завтра будет – непонятно.

Они вихрем промчались по деревне, влетели в знакомый двор Аксиньи, оглушительно скрипнув калиткой, скатились к реке. Быстро скинули обувь, почти не касаясь воды (так спешили) переправились через реку, обулись и бегом бросились к Никодиму. Тот видел их спешную переправу, и вышагнул навстречу:

– Что?

Игнашка сбивчиво пересказал Никодиму их разговор с парнем, пока Матвей отвязывал коней. Вскочили в седла, помчались по лесной тропе со всей возможной скоростью. До зимовья добрались к обеду. Никодим, услышав новости, всю дорогу хмурился, но ничего не сказал. А что говорить? Все соберутся, тогда и выскажется.

Староста собрал народ у большого костра, где женщины привычно уже готовили на всех:

– Ну, хлопцы, говорите.

И Матвей заговорил. По мере его рассказа лица у собравшихся серьезнели, в глазах разгоралась тревога. Выслушав рассказ до конца, староста сказал:

– Вот, стало быть, какие новости. Что делать будем?

Вперед шагнула мама Даренки:

– Домой вертаться надо. Иначе ведь займут дома-то наши. А и власть эта новая, может, даст защиту?

Женщины загомонили одобрительно, но мужики задумчиво молчали. Столько трудов по переезду в тайгу, и все зря? Ох, не к добру это все, не к добру...

Никодим сказал вдруг громко, стараясь пересилить общий гомон:

– А я думаю, что нет пока никакого смысла возвращаться. Сделаем, как решили. Зачнем огороды, будем охранять. Ну и сделаем постоянный дозор тогда в деревне. И если кто приедет –

дозор и поговорит с ними. А возвращаться точно рано. Не знаем мы, что это за власть, да только от нее мы и ушли в тайгу.

И вновь вскипело вокруг костра обсуждение. Кто-то настаивал на возвращении в деревню, кто-то соглашался с Никодимом. Староста молча наблюдал за спорящими, не вмешиваясь. Он был очень мудрым и знал, что в такие моменты не стоит пытаться говорить. Нужно дать людям высказаться, выговориться, и потом подвести итог их обсуждению.

Но вышло иначе. Точку в споре поставил отец Матвея. Он вышел вперед, поднял руки, призывая к тишине. И когда все утихло, заговорил:

– Нет смысла спорить. В деревню возвращаться нельзя. Когда мы сюда уходили, мы ведь много о чем подумали. Не подумали только о том, что наши дома могут занять. Но на этот случай мы там дозор поставим, прав Никодим. А всем туда ехать нельзя никак. Налетят находники, и придется воевать. Много мы не навоюем. А так все женщины с детьми тут, под защитой. Не взять нас просто так. Не думаю, что среди этих большевиков много таежников. Все больше ведь работяги с заводов. А таким нас в лесу ни за что не взять. Дома какие не есть уже ставим, до снега доживем. На покосы выйдем, да и за деревней будем приглядывать. Так, нет, Петр Милованыч? – он повернулся к старосте.

Тот поднялся, сказал решительно:

– Точно, Матвей, так и сделаем. В деревню мы всегда вернуться успеем, надо пока здесь жизнь настраивать. На днях орляк в рост пойдет, засолить надо бы. Я так думаю, нужно нам много всего в этот год заготовить. Будет что потом в город отвезти, поторговать и новости узнать. А пока надобно решить, кто в дозоры ходить будет. Хорошо бы взрослых мужиков, к оружию привычных. Что думаешь, Матвей?

– Дак вся деревня привычная считай. Нет, надо и старшаков со взрослыми отправлять. Пусть учатся в секретах сидеть. А мужики тут нужны – работы край непочатый.

На том и порешили. Отец Матвея отобрал первую дозорную смену: им предстояло уйти в деревню на сутки и смениться завтра вечером. Так и будут меняться. В дозоре пятеро, из которых один вестовой. В случае необходимости он сломя голову несется в тайгу, за подмогой или еще зачем.

Матвея отец решил в дозор пока не отправлять, сославшись на необходимость начала промысла. Матвей немало удивился – какой промысел в лето? И отец объяснил:

– Вот смотри, сын. Сначала папоротник. Его много надо набрать. А в тайге весной сам знаешь, опасно. Собирают бабы с ребятей, а мы с тобой их охранять будем. Медведи сейчас голодные, да и шумим мы, злобится зверь. Потом гриб, да и рыбу нужно ловить и солить да сушить. Тут ты к деду Власу за помощью иди. Ты его в тайгу уговорил, тебе с ним и совместничать. К осени ближе шишковать надо, а потом и дичь бить. Много работы. А в деревне и без тебя управятся.

Матвей слушал отца, и в душе его крепла уверенность в том, что не договаривает отец. И спросил напрямую:

– Бать, опасаясь чего?

Тот глянул остро, пытливо, потом кивнул медленно:

– Опасаюсь, сын. Могут ведь и вправду прийти чужие, могут. И тогда один Бог знает, чем дело кончится.

Матвей вскинулся возмущенно:

– Тогда тем более мне там надо быть! Не буду я за других прятаться. Непустишь – сам пойду, – и уставился на отца упрямо. Отец взгляда не отвел – не та порода. Но спорить не стал – признал правоту сына. Сказал только:

– Добро, сын. Но слушать меня беспрекословно. И пойдешь в дозор только тогда, когда я скажу. Пойдешь, пойдешь, – сказал, заметив, как Матвей вскинулся, – я же сказал...

Первый дозор ушел в деревню, на завтра был назначен огородный день, поедут женщины в деревню. С утра придет вестовой, даст добро – и в путь. С первым дозором отец пошел сам – нужно было выбрать места, где сядут наблюдатели. Да и посмотреть, как ребята будут себя вести. Важно ведь не шуметь, не ходить по деревне, вообще ничем не выдавать своего присутствия.

Матвей остаток дня провел в привычных уже трудах, помогал очередной сруб ставить. Работа не тяжелая, да и с деревом работать он любил. Запах свежей стружки и смолы смешивался с ароматом сосновой хвои и легкого синеватого дымка от костра, у которого вовсю кашеварили женщины. Ребятня натащила из леса сморчков да колбы, и затевалась большая жареха. А после хорошей работы да на свежем воздухе можно и сапог съесть, главное порезать помельче. Вечером Матвей развел свой небольшой костерок в стороне от общего. Он устал, не хотелось говорить, хотелось побыть в одиночестве. Но не удалось. Котелок с чаем уже закипал, рыжие языки пламени жадно облизывали его черные закопченные бока, сушняк потрескивал, выбрасывая в ночь снопы искр. Хорошо. Над головой раскинулось звездное небо, ночной воздух был холодным, и тепло от костра приятно грело лицо. Матвей сидел, не думая ни о чем, когда услышал легкие шаги. Поднял голову и увидел Анютку: она стояла у костра, смешно щурясь на огонь, и тень от ее длинных пушистых ресниц резко выделялась на белой коже. Почему-то Матвей сразу это заметил. Анютка переступила с ноги на ногу, спросила нерешительно:

– Я тебе не помешала, Матвейка? Ты ушел от всех...

Она не закончила, но Матвей и так все прекрасно понял. Сказал устало:

– Садись конечно, Анют. Чаю попьем. Хочешь чаю?

Анютка улыбнулась радостно, легко, как птица, порхнула на бревнышко рядом с Матвеем. Матвей забросил в бурлящую воду добрую жменьку Иван-чая и сухого смородинового листа, снял котелок с огня, поставил рядом, накрыл берестяной крышкой. Потом повернулся к Анютке и посмотрел на нее внимательно. Она тоже смотрела на него своими большими глазами, смотрела выжидательно и как-то беспомощно. Потом смутилась, отвернулась, уставилась в огонь. Матвей же не отрываясь смотрел на нее. Тонкая прядь выбилась из-под косынки, упала на глаза, и она убирала ее под косынку, но непослушная прядка снова выбивалась.

Какая же она все-таки красивая. Он мысленно представил себе Любаву и сравнил обеих. Анютка нежная и тонкая, как голубка. Веселая, смешливая и озорная. Любава – гордая, красивая, гибкая как кошка. Такая же веселая, но еще и бесстрашная. Как их можно сравнивать? Да никак не можно. Они слишком разные. И слишком хорошие. Матвей вздохнул глубоко, потянулся за котелком, когда Анютка спросила вдруг:

– Матвейка, можно вопрос тебе задать? – и покраснела жарко, быстро. Глаза испуганные, но смотрит не мигая, не отводя глаз.

Матвей взял котелок, снял крышку – над полянкой поплыл яркий чайный дух. Наполнил кружку, протянул ее Анютке:

– Можно конечно, Анют.

Она зажмурилась и выпалила на одном дыхании, не обратив внимания на протянутую в ее сторону руку с парящей кружкой:

– Ты очень изменился, Матвейка. Как появилась Любава, так ты другой стал. Какой-то холодный.

Потом открыла глаза, уставилась в глаза Матвею:

– Скажи честно – любя она тебе?

И застыла в отчаянном ожидании. Матвей растерялся. Не ждал он такого прямого вопроса, хотя еще утром сам хотел с Анюткой поговорить начистоту. Она опередила.

– Ты чай пей, остынет, – сказал, поставил кружку и отвернулся, глядя в огонь.

Молчали. Анютка взяла в руки кружку, смешно обхватив ее ладошками и сдувая горячий пар. Матвей смотрел в огонь и думал, что ему ответить Анютке? Он и сам не знал, любя ли ему Любава, или нет? А Анютка? А если она и про себя так же прямо спросит? Как быть? Что сказать? Он видел, что и Анютка, и Любава к нему тянутся. А он?

Матвей разозлился на себя за эту нерешительность, повернулся к Анютке:

– Не знаю. Не до того мне.

Сказал и понял, что обманывает Анютку, прикрывается делами. А она расстроено отставила кружку в сторону, поднялась легко, шагнула в темноту. Повернулась, стоя на самой границе света:

– Пойду я, Матвейка. Поздно уже.

И ушла в темноту. А Матвей остался сидеть. Он явно слышал обиду в ее голосе, но ничего не мог с собой поделать.

Допив чай, он пошел спать. Лежал на лавке и думал о том, как много смуты внесла в их жизнь эта революция. Как страшно было их деревне, что они все снялись с места и ушли в тайгу. И как теперь им жить дальше? Чего ждать? Чем все закончится?

Уже засыпая, он подумал: «Ничего хорошего нет в этих революциях. Страх один»....

Глава 3

Вестовой от дозора пришел в стан рано утром, когда солнце только-только позолотило вершины окрестных гор. Всегда суетный и постоянно куда-то бегущий Сенька – вихрастый и веснушчатый, с задорно оттопыренными ушами и носом пуговкой, сидел у костра и рассказывал взхлеб собравшимся мужикам:

– Ночевали спокойно. Заняли мы с Ванькой твой дом, дядь Петь, – он повернулся к стоящему за его спиной пастуху, – из окна дорогу хорошо видно. А дядь Матвей с Николой у тетки Агриппины встать решили.

Он глотнул чая, обжегся, досадливо сморщился, но сделал еще глоток, и продолжил:

– Ночью нас сморило, не видели ничего, а утром прям возле твоего забора следы волчьи нашли. Здоровенные! – Сенька смешно выпучил глаза, силясь передать весь ужас от увиденных следов.

Мужики пересмеивались, глядя на это лицедейство, а староста уточнил:

– А не путаешь часом? Точно волчий след?

Сенька возмутился:

– Да нешто я волчий след от собачьего не отличу, Петр Милованыч? Да и собак таких здоровых я у нас не припомню. След в ладонь! И когти все вперед смотрят, да и след в линию. Неет, точно волки.

Сенька снова отхлебнул чаю и зачастил:

– Ну так вот. Мы-то проспали, а дядь Матвей с Николой сторожили. И наказал мне дядь Матвей передать, что сегодня можно смело в деревню ехать, огородами заниматься.

После этих слов староста прихлопнул ладонью по колену, откашлялся и заговорил, обращаясь к собравшимся здесь же женщинам:

– Ну что, бабоньки, собираться надо, огороды затевать. С вами поедут Никодим и Кряж.

Кряжем прозвали деревенского плотника Афанасия – здоровенного и какого-то узловатого, с длинными руками и цепкими пальцами. Был он нелюдимым, неразговорчивым, но очень добрым. Вечно возился с ребятей, учил их резать свистульки да ложки. Синие глаза смотрели на мир из-под кустистых бровей с каким-то детским удивлением. Силищей Кряж обладал невероятной. Однажды он в одиночку поднял мельничный жернов, свалившийся с телеги.

Услышав свое прозвище, он кивнул согласно и отправился в сарайку, где обитал с пастухом и еще двумя мужиками, не имевшими семей. Вышел оттуда через пару минут с уже собранной котомкой, в которой лежала краюха хлеба, головка лука да шматок сала.

Женщины тоже умчались собираться. Все потребное было собрано с вечера, но это ведь женщины. В общем, в путь тронулись через час. Никодим и Кряж уже успели плотно позавтракать и даже немного поворочать бревна на сборке очередного сруба.

Наконец все расселись по подводам, и те со скрипом стронулись с места. Отстоявшиеся за ночь лошади бодро вышагивали по мягкой лесной дороге, кивая головами в такт шагам. Никодим ехал следом на своем жеребце, злом Рыське. Тот никому не давал себя погладить, и даже с куском сахара или яблоком к нему было не подойти.

В тайге стояла утренняя тишина, звонкая, наполненная пением птиц и поскрипыванием тележных колес. Женщины молчали, любясь окружающей красотой. Вот казалось бы, сколько уже в тайге, а привыкнуть к ней не могут. Не стираются яркие впечатления от каждого нового дня, от запахов и звуков.

Правившие подводами мужики дымили самокрутками, отравляя чистый утренний воздух. Никодим обогнал подводы и погнал коня рысью, давая немного разгуляться после ночного покоя. И Рыська радостно нес его вперед, плавными могучими рывками посылая поджарое тело вперед...

...Матвей поворошил веткой угли в костре, положил сверху немного мелкого сушняка и принялся раздувать огонь, низко склонившись и смешно вытягивая губы трубочкой. Огонь занялся сразу, угли не успели до конца прогореть. Подвесив над огнем котелок, он отправился к роднику, умыться. Серко бежал впереди, не обращая внимания на соседских собак. Те старались держаться от него подальше. Он уже задавал им трепку, обозначая границы своей территории. А своим он считал все зимовье.

Единственным, кого он терпел и чье право быть здесь признавал, был Кот. Суровый, наглый и абсолютно бесстрашный полосатый зверь игнорировал любые попытки приручить его, и лишь благосклонно принимал пищу от Матвея и его мамы. И погладить себя позволял только Матвею. На руки же не шел ни к кому и при любой попытке его прихватить реагировал целым веером зубов-клыков и низким утробным воем. В такие моменты даже Серко с недоумением отходил в сторону.

Сегодня же Матвей посреди ночи обнаружил Кота мирно спящим у себя в ногах, усмехнулся в темноте и заснул снова. Утром, правда, Кот куда-то испарился. Ну да в тайге он обжился на удивление быстро. Матвей подозревал даже, что до своего появления Кот успел немало поскитаться. И ничуть не удивился, обнаружив полосатого у родника. Тот сидел на корневище кедра и умывался, щуря свои зеленые глазщицы. Серко сунулся было обнюхаться приветливо, но Кот загудел низко, и у собаки тут же нашлись дела поважнее. Матвей только хмыкнул и принялся умываться.

Кот отправился к костру следом за ними, подняв хвост трубой и не обращая внимания на окружающих. Странно, но и другие собаки признавали за ним право вести себя по своему усмотрению. Котелок уже всю булбал, и Матвей забросил в него добрую жменьку трав и Иванчая. Над полянкой тут же разнесся густой аромат, и Матвей снял котелок с огня, поставив его рядом.

Со стороны большого костра слышались легкие шаги. Любава. Матвей поднял взгляд и встретился с ней глазами, улыбаясь помимо воли. Любава неуверенно улыбнулась в ответ:

– Привет, Матвей.

Она переминалась с ноги на ногу, и Матвей похлопал ладонью по лавке рядом с собой:

– И тебе доброго утра, Любава. Садись, что стоять.

Любава присела легко, уставилась в огонь. Кот тут же оказался рядом, обнюхал протянутую к нему ладонь и... потерся о нее, громко, басовито заурчав.

– Вот так так, – Матвей не смог сдержать удивления, – что ж ты, братец, выбрал себе хозяйку?

Кот не ответил, просо уселся у ног гостьи и тоже уставился в огонь, урча от удовольствия, Любава чесала его за ухом и гладила по большой лобастой голове.

Матвей налил чаю в свою кружку и протянул ее Любаве, подумав, что пора уже посудой обзаводиться для гостей.

Любава приняла кружку и ойкнула, обжегшись. Матвей забрал кружку обратно, обернул ее в бересту, вернул Любаве. Девушка благодарно улыбнулась, и Матвей снова отметил, как она красива. Сделав пару глотков, она протянула чай Матвею:

– А ты сегодня в тайгу пойдешь?

Спросила таким равнодушным тоном, что Матвей понял – отчего-то она волнуется.

– Пойду. Орляк нужно посмотреть, а потом и до пасеки добраться, посмотреть.

Любава встрепелась:

– А какой он, орляк? Что это вообще такое?

– Это папоротник, молодые побеги.

– А почему орляк?

– Лист у него похож на орлиное крыло, вот и прозвали орляком.

– А зачем он нужен?

Матвей улыбался, удивляясь неумному любопытству Любавы:

– Очень он вкусный, если засолить. Можно так есть, а можно и пожарить с картошкой.

Очень даже вкусно получается.

Любава не удивилась. Жареную колбу со сморчками она уже пробовала, и ей очень понравилось. Помолчала чуть, потом сказала, заглядывая в глаза:

– А меня с собой возьмешь?

Матвей смутился, но ответил твердо:

– Нет, Любава, не в этот раз.

Девушка сникла, спросила поникшим голосом:

– А почему? Я мешать буду, да?

Матвей помедлил, не зная, как объяснить, сказал:

– Идти далеко, весь день на ногах. Может, и заночевать в тайге придется. Одному мне проще.

Он поднялся, и Любава следом. Пошла по тропке к большому костру не оглядываясь, а Матвей не отрываясь смотрел ей вслед...

Деревня стояла пустая и тихая, не проснувшаяся. Некому в ней было просыпаться, кроме трех дозорных, внимательно следивших за дорогой.

Отец Матвея потянулся с хрустом, стоя на крыльце дома Варвары, Даренкиной тетки, где они провели эту ночь, приглядывая за дорогой. Пустые дома с не успевшей еще поблекнуть краской выглядели особенно непривычно и жутковато. Он никак не мог привыкнуть к этой тишине и виду неживой деревни.

День занялся ясный и солнечный, теплое весеннее солнце пригревало ласково.

План на день был прост: встретить женщин и присмотреть, чтоб не обидел никто, пока огородничать будут. Оставив Ваньку с Николой готовить завтрак да присматривать за дорогой, отправился встречать подводы. Вот-вот они должны приехать, Сенька уже часа три как ушел к старосте.

Выйдя на пригорок на окраине деревни, увидел пересекающий реку небольшой караван. Женщины соскочили с подвод и переходили реку вброд, высоко задирая юбки и громко охая от холодной воды. Он хмыкнул и пошел навстречу.

Завидев его, женщины наперебой загомонили, здороваясь и пересмеиваясь:

– Ой, Матвей, привет. Не одичал тут без догляду?

– А я смотрю, что это за мужчина такой красивый? А это всего-то Матвей.

Он только усмехался в бороду на беззлобные подначки:

– Привет и вам, девоньки! Хорошо ли добрались?

Таисья, статная, русоволосая жена деревенского кузнеца, отозвалась весело, уперев руки в боки:

– А чего это ты так разволновался? Аль за нас с огородами управляться станешь? А то пойдем, поогородничаем? – и рассмеялась звонко.

Смех ее подхватили остальные женщины, отжимавшие намокшие в реке подола. Правивший одной из подвод Абросим, крепкий середняк, беззлобно пробурчал:

– От перепёлки, расщебетались.

И потянул повод своей лошадки, заставляя ее стронуть с места подвод. Женщины тут же подхватили подола и устремились к подводам, идти в гору никому не хотелось. Отец Матвея тоже запрыгнул на одну из подвод, и вереница их втянулась в деревню.

У дома старосты подводы остановились, и женщины разошлись по своим огородам. Мужики схватили с подвод лопаты и двинулись следом, вскапывать огороды труд нелегкий. Отец Матвея тоже взял лопату и пошел к своему дому, его жена завтра приедет, когда оставшиеся женщины поедут в свои огороды.

...Матвей только собрался было уйти в тайгу, уже и винтовку на плечо закинул, как его окликнул знакомый хрипловатый голос:

– Матвей Матвейч, погодь-ка.

Он обернулся, улыбнулся:

– По здорову тебе, Влас Микитич.

Дед Влас кряхтя уселся на лавку у кострища, посмотрел на Матвея не по возрасту ясными глазами:

– И тебе по здорову, мил человек. Я с разговором к тебе. Как, есть время для старика?

– Конечно есть, Влас Микитич. Помочь чем?

Дед Влас пожевал губами, собираясь с мыслями, потом заговорил:

– Вот ты, Матвей Матвейч, уговорил меня с вами в тайгу перебраться. Про опыт мой говорил, а ведь и не надо никому, получается. Живу себе... ну вот как бурундук, к примеру. Проснусь, чаю попью, на солнышке посижу. И так целый день. Да нет, у бурундука и то в жизни смысла больше получается. Он вон по тайге бегает, еду добывает. А я что?

Матвей смешался, не ожидал он такого разговора. По правде сказать, и не думал он про деда Власа эти дни. А теперь вот задумался и усовестился. Ведь прав старик, уговорил он его, а дальше и не подошел ни разу, словом не обмолвился.

Повернулся к собеседнику, глянул в глаза прямо:

– Ты меня прости, Влас Микитич, прав ты конечно. Не по совести я поступил.

Дед Влас перебил его, улыбнувшись:

– Перестань виниться, Матвей Матвейч. Я ведь не к тому, что ты со мной тетешкаться должен. Мысль у меня есть, так я посоветоваться с тобой хочу.

Матвей заинтересованно посмотрел на деда, а тот подмигнул заговорщицки и продолжил:

– Я вот смотрю, ребятня наша без дела по лесу слоняется. А что, если нам с тобой их к делу приставить?

– Это к какому же делу их приставить можно?

Дед Влас смотрел на него с хитрым прищуром:

– Не смекаешь, а?

Матвей честно признался:

– Неа, не возьму в толк.

Дед Влас хохотнул довольно:

– Эх, молодо-зелено... Вот ты чего лучше всего делать умеешь?

Матвей задумался. В общем, он много чего уже умел. Но лучше всего, пожалуй...

– По тайге ходить.

Дед Влас кивнул:

– А я?

Тут Матвей не сомневался:

– Рыбу ловить.

Дед Влас поднял вверх палец наставительно:

– Вооот. И ты умеешь тоже. А еще ты умеешь лесу сплести и муху связать, рыбу в реке чуешь. Я-то сослепу уже ни того, ни другого не смогу. Но вот рыбу найти и научить ее поймать могу. Так пусть ребятня рыбу на всех заготавливает! Что думаешь?

Матвей задумался, крепко задумался. Идея хорошая, ребятня при деле будет, да и рыбой деревню обеспечат мальцы. Но вот как за ними уследить на реке? Чарыш река своенравная, не так просто с ней сжиться. Понятно, что деревенская пацанва с малых лет на реке. Но одно дело купаться, а другое дело промыслять. Тут и сноровка нужна, и внимательность, и терпение. Матвей хорошо помнил своего первого хариуса и то, сколько сил ему пришлось приложить для его поимки.

– А ведь и вправду мысль хорошая, Влас Микитич. Надо с Петром Милованычем посоветоваться, да и народ поспросить.

– Вот вечером и поспрошаем, когда соберутся все у костра.

С этими словами дед Влас поднялся кряхтя и побрел к основному зимовью. К слову сказать, за эти дни тут и там поднялись несколько срубов, да и сейчас работа кипела. Звенели топоры и визжали пилы, мужики ворочали бревна и распускали бревнышки похуже на плахи. Жизнь в стане шла своим чередом.

Матвей наконец собрался в тайгу, свистнул Серко и пошел неспешным размеренным шагом в сторону той полянки, где они с отцом по прошлому году корье с валежника обдирали. Шел и прислушивался к происходящему вокруг. Вспомнился ему вдруг штабс-капитан Ухов, который так удачно сбежал от них той ночью, когда они в доме деда Власа ночевали. Кто он все же такой и чего искал в деревне? Куда ушел и где теперь? Грозит ли им это чем-то и если грозит, то чем? Не производил Ухов впечатления отбившегося от отряда человека. Не было в нем растерянности и не искал он помощи. Взгляд у него такой... цепкий, внимательный. Да и манера держаться такая, будто это он их под ружьем держал, а не они его. И развязался уж очень просто, хотя отец узлы вязать не дурак. Нет, людей вязать ему было внове, тех находников мужики без него повязали и в сарае заперли. Но все же охотник, и в узлах разных толк знает. А тут гляди ж ты, развязался и ушел. Хотя, если отец толк знает, почему кто другой знать не должен?

Занятый раздумьями, Матвей едва не проглядел появление опасного хищника. Хорошо Серко предупредил. Да не так, как обычно. Он остановился вдруг и зарычал низко, но явно опасно и не решаясь идти дальше. Смотрел он куда-то наверх. Странно. На соболя он не так реагирует, белок с бурундуками и вовсе не замечает, а тут...

Матвей проследил за его взглядом и поначалу ничего не увидел. А потом, приглядевшись, заметил на толстом кедровом суку прижавшуюся к нему рыжеватую большую кошку. Ух ты! Рысь! Матвей много слышал от отца рассказов о кровожадности и хитрости этой кошки, но видеть не доводилось. А тут вот она, прижалась к ветке и не сводит с Матвея настороженных янтарных глаз. Ощерилась, кисточки на ушах слегка подрагивают, короткий обрубок хвоста нервно дергается в разные стороны, из груди вырывается жуткий низкий хриплый рык.

Да, с такой не враз и совладаешь, доведись драться. Ну и что делать? Стрелять ее незачем, да и не за что. Обойти? Матвей хорошо помнил отцовский рассказ про Федьку-мукомола, который в лес по грибы пошел и не вернулся. Нашли его через день, окровавленного и изодранного страшно – лежал и тихо стонал под высоченной сосной. Рассказал он тогда, что шел себе спокойно, как вдруг на голову ему упало что-то тяжелое и начало рвать с диким рыком. Он ножом отмахивался, ткнул несколько раз во что-то мягкое, а после упал.

В тот раз шагах в ста от Федьки нашли и рысь, истекшую кровью – попал все же Федька по обидчице. Матвей спросил тогда у отца:

– Бать, а зачем рысь на человека нападает? Неужто съесть хочет? Она ж вон какая маленькая?

Отец посмотрел на него внимательно и принялся объяснять:

– Ты, сын, не гляди, что рысь небольшая. Весит она под сто фунтов и нападает на человека всегда сверху. Прыгает на голову с высоты саженой в пять-шесть и старается сразу затылок прокусить. Если ты такого не ожидаешь, быть тебе убитым.

Матвей заворожено слушал отца. Слушал, а поверить не мог. Как это так, взрослый мужик с ружьем не устоит против кошки? Да не может быть! Спросил:

– Так а нападает-то зачем? Она ведь не съест человека, шибко мала для такого.

– Иногда от голода нападает, иногда территорию защищает. А бывает, что и мстит. Рысь она ведь умная очень. Был в соседней деревне охотник один, Никодимом звали. Так он у рыси

двух котят из логова утащил и в город продал. Рысь его выследила и убила. И нападала потом на всех без разбора, пока не застрелили. Вот так, сын.

Эти воспоминания вихрем пронесли в голове Матвея, и он решил все же обойти зверя. Незачем зверя лишний раз тревожить. Свистнул Серко и отступил, не сводя взгляда с рыси, мало ли.

Отошел немного и подумал: а ведь совсем рядом со станом. И ребятня сюда по грибы ходит. Как бы беды не случилось. Решительно повернулся и пошел назад. К кедровому выходил крадучись, стараясь не спугнуть осторожного зверя, но рыси уже не было. Ушла.

Матвей мысленно выругал себя за нерешительность и отправился дальше, сделав в памяти зарубку: предупредить деревенских об обретающемся рядом опасном хищнике. Сейчас искать ее было бесполезно, она намеренно укрылась от человека.

Шел по тайге, поглядывая по сторонам и стараясь подмечать все интересное. Вот два бурундука требуют прошлогоднюю кедровую шишку—падалицу, которая лежит на проталинке. Они гневно верещали, носились по деревьям, затеяв драки, возвращались к шишке и снова уносились в погоню, пытаясь отогнать друг друга от лакомства.

А вот таежная красавица – голубая сойка, сидит на поваленном кедровом стволе и смотрит, не мигая, в одну точку где-то у себя под ногами. И даже приближение Матвея ее не обеспокоило, видно, понимала, что опасности нет.

Чуть дальше Матвей увидел сначала заячьи следы, а после и самого ушастого, с упоением обгрызавшего кору с осинового побега. Серко рванулся к нему, и почти уже перелинявший заяц задал стрекача, выбрасывая ноги далеко назад. Серко погнался было, да куда там, заяц скрылся в норе. Матвей рассмеялся, глядя на обескураженную морду пса, потрепал его по виновато опущенной голове и пошел дальше. Нужно присмотреть участки с орляком, а до них еще дойти нужно. Орляк любит светлые сосняки и обширные гари, и Матвей знал несколько подходящих мест неподалеку.

На обратном пути Матвей услышал хлесткий винтовочный выстрел, затем еще один, а сразу после многоголосый крик: кричали женщины. Он рванул со всех ног в ту сторону, лишь немного отставая от Серко. Высочив на поляну недалеко от стана, увидел нескольких женщин и деревенского кузнеца по прозвищу Коваль. Тот успокаивал шумевших женщин, не отпуская, впрочем, из рук винтовки.

– Что тут у вас? – Матвей перевел дыхание и уставился на Коваль в вопросительном.

Женщины загомонили, пытаясь одновременно рассказать Матвею, что же тут произошло, но Коваль досадливо поморщился и гаркнул, подняв руку:

– Тихо, бабы! Разгладелись...

И повернувшись к Матвею, принялся рассказывать:

– Медведь вышел, пестун. Бабы тут колбу собирали, а я с ними для пригляду, значит. И тут выходит из-за дерева косолапый, да ведь тихо как вышел. Бабы его увидели и замерли, как зайцы. Ну я винтовку вскинул и пальнул. Он развернулся, и бежать, а я в угон ему еще разок. Тут уже и бабоньки наши опомнились, крик подняли. Да только я думаю, что если б они сразу заголосили, мне бы и стрелять не пришлось.

Матвей спросил взволнованно:

– А что за медведь был?

Коваль опешил:

– Да нешто я у него спрашивал, Матвей?! Медведь как медведь, большой да страшный. Некогда мне его разглядывать было, а и он не нападал. Вышел да стоит, разглядывает да обнюхивает. А нос этак из стороны в сторону.

Матвей уже не слушал, пошел к тому месту, где видели медведя, принялся осматривать землю. Следов крови не видно, и то хорошо. Он был уверен, что приходил Урсул.

Женщины тем временем вернулись к сбору колбы, а Коваль снова уселся с винтовкой наперевес на поваленную березу. Матвей же двинулся по следу медведя. Не то чтобы он хотел его увидеть, скорее, отогнать подальше от стана. Иначе беды не миновать, и сегодняшний случай лучшее тому подтверждение.

По следу он прошел около версты, Серко уверенно вел его за собой. Убедившись, что Урсула ему не догнать, он пару раз выстрелил в воздух, надеясь, что это заставит медведя уйти еще дальше.

В стан вернулся в разгар дня. Все уже успели поесть и занимались работой. Кто-то продолжал собирать сруб, кто-то чистил птичник, кто-то перебирал и правил инструменты.

Матвей направился к деду Власу. Тот сидел перед костром, а перед ним кружком прямо на траве расселась детвора, слушая его с раскрытыми ртами. Дед Влас рассказывал о рыбалке:

– ...и тут я подсекаю, а он как мотнет головой! Я чуть из лодки не вылетел. Ну, думаю, врешь, не уйдешь. Уперся ногами в борта, удочку держу изо всех сил. И давай таймень меня по реке катать. Ох и силища у него! Он меня и против течения таскал, и на перекат затягивал. Но я его умотал, выволок на берег.

Матвей присел на бревнышко и посмотрел на ребятню. Глазенки горят, вопросы вот-вот посыплются, интересно им! И Матвей понял, что придумка деда Власа упадет на благодатную почву. Теперь осталось дожидаться конца разговора и пойти вместе к старосте.

А вопросы тем временем посыпались как из рога изобилия:

– А таймень какой большой вырастает?

– А хариус тоже большой?

– А кто сильнее – таймень или сазан? А то мне батька про сазана говорил.

– А я смогу тайменя поймать?

Дед Влас отвечал обстоятельно, во всех подробностях рассказывая про разных рыб. Потом увидел Матвея и засобирался:

– Ну все, малята, про рыб я вам завтра расскажу. А сейчас пора мне, вон Матвей Матвеич ждет сидит.

Ребятишки заканючили недовольно, но дед Влас уже поднялся и пошел к Матвею. Староста встретил их у большого костра. Похлопал по лавке рядом с собой:

– По здоровью вам, мужики. С делом каким?

Староста на любил ходить вокруг да около. Дед Влас крякнул довольно, сказал:

– Вот что, Петро, мы с Матвей Матвеичем придумали... – и он вкратце пересказал старосте свою задумку.

Петр Милованыч пожевал губами задумчиво, потом повернулся к Матвею:

– Ну а ты что думаешь, Матвей? Идея у вас вроде как общая.

Матвей глянул на старосту:

– Идея Влас Микитича, но я ее поддерживаю полностью. Ребятня при деле будет, да и интересно им. И навык для жизни полезный, и рыба в деревне, – он осекся, – в зимовье будет.

Староста кивнул понимающе – он так же оговаривался временами.

– Вот что, Влас Микитич – начал староста, – я думаю, что надо с людьми посоветоваться. Мне идея по душе.

До вечера Матвей помогал маме: она сначала ходила за птицами, потом занялась дойкой Пеструшки, потом.... В общем, дел хватало. Когда солнце коснулось вершин елок, в стан начали втягиваться подводы – это из деревни вернулись женщины. Часа за три до их возвращения в деревню отправилась дозорная смена: двое взрослых и двое старшаков.

С женщинами приехали и дозорные. Мама, увидев отца, засуетилась, потащила его к костру, кормить. Он со смехом отбивался, сначала нужно было старосте отчитаться, а уже потом и поесть можно.

Когда все собрались у костра, староста заговорил:

– Тут вот какое дело. Влас Микитич дело предложил. На мой взгляд, так шибко толковая затея. Ну да он сам расскажет.

Дед Влас, не вставая с места, сказал:

– Пусть Матвей Матвеевич говорит, он с молодых глаз лучше идею видит.

Матвей заметно волновался, впервые перед всеми говорит все же. Встал, прокашлялся, собираясь с мыслями:

– Власа Микитича вы все знаете, он человек хороший. И рыбачить умеет.

Матвей сбился, но потом все же продолжил:

– Так вот. То, что Влас Микитич – первый на деревне рыбак, так то вы все знаете. Каждого он рыбой угощал. И придумал он научить мальцов наших рыбу ловить. Да не просто ловить, а всю деревню обеспечивать. Того же хариуса можно в кадках солить, а потом в город продавать...

Вечером они с отцом сидели перед костром, и Матвей рассказал ему про идею деда Власа, о найденных полянах с орляком и о рыси. Отец сказал:

– Стрелять надо было, сын. Натворить бед может много. Завтра вместе пойдем, выследим ее. Ну или пуганем хорошо. Плохо, если у нее здесь логово неподалеку. Хотя в прошлом году здесь ни одной рыси не было. Я так думаю, что она случайно здесь, проходом. Много людей и собак, шибко для нее беспокойно.

Матвей виновато опустил голову: и сам понимал, что зря пожалел хищницу, но она ведь пока не причинила никому зла. Но если причинит, поздно будет. Так что лучше ее спровадить как-то. Он надеялся на то, что большое количество людей и собак заставит ее уйти подальше. Историю про Урсула и стрелявшего в него Ковалю отцу рассказала мама, с которой поделились ее подружки, собиравшие колбу. Отец только головой покачал огорченно, поглядывая на Матвея. Тот сказал:

– Бать, я за ним с версту прошел, а потом еще и пальнул в воздух пару раз. Может, уйдет?

Отец с сомнением посмотрел на него:

– Не знаю, сын. Но одно скажу точно. Придет к стану – стану стрелять. И ты станешь.

Матвей только голову опустил и ничего не сказал. Прав отец, но до чего ж не хочется стрелять в друга.

Утром они с отцом отправились на поиски рыси. Взяли винтовки, немного еды и пошли. Серко, как обычно, бежал впереди, а отец то и дело поглядывал на ветви деревьев. Все верно, рысь может быть где угодно, очень уж она коварный зверь, как и все кошки.

На поиски рыси они потратили весь день, но так и не увидели ее. Отец сказал, что наверняка она ушла дальше, но нужно быть настороже.

Вернувшись на стан, обнаружили там взволнованного вестового от дозора. Легконогий Сенька стал постоянным гонимым. Он возбужденно что-то рассказывал, размахивая руками. Матвей приблизился и услышал обрывок фразы:

– ...покрутился еще по деревне и усакал. Но завтра они точно приедут.

Петр Милованыч, увидев их с отцом, сказал обрадовано:

– Вовремя вы, Матвей, – и улыбнулся.

Отец подсел к костру, спросил у Сеньки:

– Кто крутился и что сказал?

Сенька вздохнул обреченно и принялся наново пересказывать все то, что уже рассказал старосте:

– Прискакал утром в деревню чернявый такой парень. Ну мы ему дорогу заступили и порасспросили: кто да откуда, да чего в деревне ищет. Он сначала отказывался говорить, но потом рассказал, что к нам из Бийска целая делегация едет краснобаев разных. Будут, говорят, за новую власть агитировать. Все пытался вызнать, где все, да мы не сказали.

Сенька прервался, отпил горячего чая, и продолжил:

– Ну и вот. Сказал, что староста нужен и вообще весь народ. Завтра, мол, уже доберутся – сегодня в соседней деревне заночевали. Всё.

Староста откашлялся гулко и спросил у отца:

– Что думаешь, Матвей?

Отец думать не стал, ответил сразу:

– А нечего тут думать. Надо идти. Но не всем, конечно. Ты, Петр Милованыч, старший у нас, тебе идти обязательно. Женщины завтра и так на огороды собрались, там будут. Мужиков с десяток да старшаков столько же. Мужиков в домах вокруг посадим с винтовками, на всякий случай. А так послушаем хоть, чего они хотят нам сказать.

Староста кивал согласно, глядя на отца. Матвей сидел рядом и думал о том, что мужики вряд ли смогут стрелять по людям. Он бы точно не смог. Не выдержал, спросил:

– Бать, а как думаешь, смогут мужики стрелять? Ну... по людям? Это же...

Отец очень серьезно на него посмотрел и ответил:

– Надо будет – смогут. Если эти – он показал большим пальцем куда-то за спину, – вдруг чего плохое задумали. Но я надеюсь, что не придется.

Староста прервал молчание:

– Так и поступим, Матвей.

Глава 4

Огонь в давно нетопленной печи разгораться не хотел. Печь дымила, и Петр Милованыч то и дело склонялся к поду, раздувая огонь. Матвей вспомнил о том, как в первую свою поездку точно так же пытался растопить печь в зимовье. А потом вынул из трубы старое бурундучье гнездышко, и печь загудела, разгораясь жарко. Заикнулся было об этом, но староста только хмыкнул в бороду и продолжил смешно надувать щеки, пытаясь заставить огонь разгореться наконец. Отец сидел за столом и поглядывал в окно. Забора у дома старосты не было, и небольшая площадь перед домом была как на ладони. Сейчас она была покрыта первой, едва проклюнувшейся ярко-изумрудной травой, и выглядела очень нарядно.

На лавках перед домом и на завалинке расположились старшаки. У кого в руках ружье, у кого винтовка, а кто и без оружия. Но вид старались создавать, а большего от них и не требовалось. Остальные мужики разошлись по огородам, помогать женщинам. Работы на земле всегда с лихвой хватает. Но как только в деревне покажутся делегаты, все быстро соберутся. Специально так решили, чтобы у пришлых не создавалось впечатления, что их тут ждут не дождутся. У всех свои дела, а старосте по рангу положено первым гостей встречать.

Огонь в печи наконец занялся ровно, смолистые дрова потрескивали, навевая на Матвея сон.

Этой ночью они почти не спали – пара мальчишек потерялись в лесу, а вместе с ними и Каюр, который обычно сопровождал ребятню в тайге. Когда к назначенному часу мальцы не вернулись, мать стала бить тревогу. Все сорвались было с места, но Матвеев отец остановил их окриком:

– А ну стой! Далёко собрались?

Мать потеряшек, Авдотья, крупная и румяная, вскинулась:

– Ну как куда, Матвей?! Сынов моих искать. Они ведь в тайге где-то, одни-одинешеньки....

В голосе явственно слышались слезы. Отец спросил как мог едко:

– А где именно ты их искать собралась? Куда они пошли, знаешь? Уйдете в другую совсем сторону, и что?

Авдотья села, прижав к некрасивому лицу крупные руки. Ее муж, хилый мужичонка Федька, встал с ней рядом и угрюмо спросил:

– А ты, Матвей, чего предлагаешь-то? Чего время-то мы теряем тут?

Отец спокойно глянул на него и ответил:

– Пара минут точно ничего не решат. А вот если уйдем не туда, то может быть худо.

На этих словах Авдотья не выдержала и завывала в голос. Отец рывкнул на нее:

– Ну-ка цыц! Не вой по ним раньше времени. Найдем пацанов твоих, никуда не денемся.

Обвел взглядом всех собравшихся вокруг:

– Кто их видел и слышал с утра? Куда они собрались? Авдотья, что тебе сказали, когда ушли?

Авдотья промакивала глаза уголком передника и всхлипывала, ничего не говоря. Федька дернул ее за плечо:

– Ну! Чего молчишь?

Та дернула плечом:

– На речку собирались они. Удочку вон с собой взяли и пошли. Мы, говорит, сами научимся рыбу ловить. Будь она проклята, рыба эта. А вдруг они потонууули....

И она вновь завывала, заплакала. Так, ясно, от нее толку мало. Но главное он услышал – к реке собирались. И тут вперед вышел малец, в замызганной рубахе до колен, босой и весь

какой-то измурзанный. Он робко глядел на взрослых и что-то тихо бубнил себе под нос. Отец сначала пытался расслышать, что он говорит, потом сказал громко:

– Тихо все!

Гул вокруг тут же стих, малец тоже аж присел от громкого окрика. Отец присел перед ним на корточки, взял за плечи и спросил тихо:

– Ну, чего ты? Сказывай, что хотел.

Малец приободрился и сказал уже чуть уверенней:

– Они на речку не пошли. Удочку за дом бросили, а сами на ток побежали, глухаря смотреть. Ванька так и сказал – не пойдем, мол, на речку. Ну их, харьюзов этих. Вот.

С этими словами он победно глянул вокруг. Отец потрепал его по вихрастой голове, поднялся:

– Вот что. Двое идут к току, двое к реке. Матвей – он повернулся к сыну – ты к реке. Берешь Игнашку, и идете. По пути осматриваете все кусты и кричите. Понял?

Матвей кивнул. Все понятно. Глянул на небо, махнул рукой Игнату и поспешил за винтовкой. Надвигалась ночь, и хотелось побыстрее отыскать мальцов. То, что с ними Каюр, заставляло волноваться чуть меньше. Этот пест скорее сам погибнет, чем даст их в обиду.

Отец же продолжал раздавать указания, и вскоре народ подхватился и рванул на поиски.

Матвей с Игнатом спешили к реке. Идти было далеко, часа три. И Матвей только диву давался: неужто и вправду братцы могли отправиться в такую даль вдвоем?

Шли, заглядывая под каждый куст и временами покрикивая. Серко бежал впереди, настороженно приносясь и иногда оглядываясь на Матвея.

До реки они не дошли. Когда вокруг было уже совсем темно, Серко вдруг рванулся в сторону, и вскоре оттуда донеслось его легкое повизгивание. Матвей с Игнатом не сговариваясь ринулись в ту сторону и... глазам их престала такая картина: на земле, свернувшись клубком, лежал Курай. Голову он положил на спину свернувшегося таким же клубком белобрысого мальчонки лет восьми. Тот лежал, неловко отставив правую ногу, распухшую и грязную. Второй мальчонка, лет пяти такой же белый и грязный, сидел за спиной пса и гладил его по голове. Увидев Серко, младший подхватился и принялся его наглаживать, приговаривая:

– Серко, хороший, славный....

А у самого из глаз катятся крупные слезы.

Старший же лежал все так же молча, явно боясь шевелиться и тревожить ногу.

Матвей подошел, присел перед ним, спросил, внимательно разглядывая ногу:

– Ну, Ванька, чего с тобой приключилось?

И тут старший разревелся. Заговорил, размазывая слезы грязным кулаком:

– Мы с Петькой... наперегонки... и Курай с нами....а потом... потом....

Матвей погладил его по голове, заговорил успокаивающе:

– Ну-ну, все хорошо уже. Мы тебя нашли, сейчас к мамке отнесем. Но сначала к деду Власу, он тебе ногу поправит.

При упоминании мамки оба мальчика заревели в голос, выпуская страх. Пока никого рядом не было, держались, как два потерявшихся волчонка. А тут понятно, испуг их догнал. Темно, страшно, больно....

И тут заговорил Игнат:

– А Каюр-то каков молодец, а?

Он погладил пса, и тот благодарно зажмурился – затек лежать без движения.

Игнат же продолжил:

– Вы ему теперь косточки сахарные каждый день таскать должны. Он вас не бросил и Ваньке вон боль в ноге унял, а, Вань?

Ванька посветлевшими глазами поглядел на пса, погладил его, на миг забыв о болящей ноге. Матвей поднялся:

– Ладно, хватит расслаиваться. Мать уж извелась вся. Мечется по лесу, вас, оболтусов, ищет. Пошли.

Вручил Игнату винтовку, подхватил Ваньку на руки и пошел упругим шагом.

Когда они пришли к стану, у костра шла суeta: отец готовился отряжать народ на ночные поиски. Все замолчали, увидев Матвея с Ванькой на руках. Авдотья кинулась к ним, попыталась схватить сына, прижать к груди... Матвей не дал:

– Погоди, тетя Дотя. Нога у него повредилась. Ему к Влас Микитичу надо.

Дед Влас всем в деревне правил вывихи и переломы лечил. Вот и сейчас он принялся народ от костра отгонять:

– А ну разойдись! Разойдись, говорю! Мне свет нужен.

Все расступились, и Матвей уложил Ваньку на лавку у костра. Младший Петька уже держался за мамкину юбку, а та гладила его по вихрам и смотрела на деда Власа, с кряхтением суетившегося вокруг лежащего на лавке Ваньки. Мальчишка смотрел на деда испуганными глазами, но виду старался не подавать.

– Тааак – кряхтел дед, – это что ж тут у нас такое приключилось? Неужто поломал ногу-то?

Он аккуратно пробежался пальцами по стопе. Ванька испуганно зажмурился, готовясь к боли, но дед Влас уже убрал руку. Хмыкнул удовлетворенно:

– Нормально, жилу потянул. Повязку потуже с шерстью собачьей, да молока с медом на ночь. И через пару седмиц побежит опять.

Авдотья выдохнула, Ванька тоже заметно повеселел...

И вот теперь Матвей сидел в тепле у печки и кивал носом, проваливаясь в дрему и выныривая из нее временами. Отец тронул его за плечо:

– Сын, ты давай, подреми пока на лавке вон. Как приедут делегаты – он покатал на языке непривычное слово, – я тебя толкну.

Матвей кивнул, перебрался на соседнюю лавку и улегся, блаженно потянувшись до хруста в спине. Пара минут, и он провалился в сон.

Проснулся резко, от звучащих за окном громких голосов. Кто-то высоким, немного надтреснутым голосом говорил:

– Мы к вам не сами по себе приехали! Мы – Советская власть!

Именно так, с заглавной буквы и сказал. Старшаки не пропускали в дом нескольких мужчин, столпившихся перед крыльцом. Матвей вскочил, глянул на отца вопросительно. Тот ответил:

– Погоди, сын. Посмотрим, как вести себя станут. Если вежливые, и мы с ними со всем уважением. Ну а ежели нет... Вот и посмотрим, что за власть такая.

На крыльце меж тем разгорался скандал. Вперед выступил широкоплечий усатый мужик в кожаной куртке и грязных сапогах. Глядя на старшаков исподлобья, он рыкнул густым басом:

– А ну пшел с дороги, паценок. Кому путь заступил?!

Старшак, тот самый, давний Матвеев неприятель, не сдвинулся с места, глядя грозному чужаку прямо в глаза:

– А не отойду, так что?

Тот попытался было хватануть его за грудки, но старшак сбил его руки и рыкнул в ответ:

– А ну охолони.

Отец поднялся – пора было вмешиваться. Все уже было ясно.

Они со старостой вышли на крыльцо, Матвей следом. К дому старосты уже стягивались деревенские, из тех, кто приехал на свои огороды.

Никодим башней возвышался над всеми, плечи его плыли над макушками собравшихся. Он протолкался вперед, обошел стоящих перед крыльцом делегатов и поднялся на крыльцо, встав за спиной старосты.

Староста посмотрел на чужих:

– По здорову вам, люди добрые. Аль не добрые?

Писклявый, который первым требовал пропустить их в дом, отозвался:

– Ты чего ж нас на пороге держишь? Дело ли гостей в дом не пускать?

Заговорил отец:

– Так хороший гость первым здоровается и в дом без спросу не рвется.

Значительно так сказал, с намеком. Писклявый намек не понял:

– В дом пустишь, там и представимся по всей форме.

Отец покачал головой отрицательно:

– Нет, мил человек, мы абы кого в дом не пускаем.

Но тот не сдавался:

– Мы не абы кто! Мы – советская власть! – голос его сорвался, и он закашлялся.

Усатый, в кожаной тужурке, оценивающе смотрел на отца, на Никодима, будто прикидывал – не придется ли им драться? Третий, невзрачный боец в шинели с винтовкой, молча глазел по сторонам. Он явно чувствовал себя неуютно.

Никодим смотрел на троицу поверх голов с плохо скрываемой насмешкой.

На тираду писклявого отец внимания обратил не больше, чем на лай собаки. А тот распалялся все больше:

– Да мы вас к ответу!... Да как можно....

Прервал его староста:

– Ты, мил человек, зачем приехал-то? Стращать нас, или сказать чего хотел?

Тот поперхнулся на полуслове, смешался, и тогда в разговор вновь вступил усатый. Однако в этот раз говорил он спокойно: явно не решался провоцировать стоящих напротив него мужиков. Это не молодняк голосом пугать, тут и ответить могут. Хотя и старшаки не из пугливых, это он в их глазах четко разглядел:

– Так мы это... делегаты. От советской власти, значит. Приехали власть и в вашей деревне устанавливать.

Староста сказал:

– Устанавливай. Как устанавливать-то станешь?

– Знамо дело как. Назначим старшего, население перепишем да скот, запас подсчитаем...

Дел много, так что давайте и начнем.

Староста его перебил:

– А если есть уже старший? Как быть?

Усатый не смутился:

– Так посмотрим на него и решим, наш он человек аль нет. Если наш – назначим. А нет – другого выберем.

Народ за их спинами загудел, загомонил недовольно, слышались голоса:

– А не много на себе берете? При царе мы сами себе старших выбирали.

– Ты-то откуда знаешь, кому старшим быть?

Усатый повернулся к толпе:

– Тихо! Тихо! Нет больше царя и порядков старых нет! Теперь все по-другому будет!

– А нам оно надо – по-другому? – подал голос Никодим.

Усатый повернулся к нему и, зло ощерившись, выпалил:

– А вас никто не спрашивает. Вы не поняли, люди добрые. По всей стране власть сменилась. Наша власть везде.

Он ронял слова так, будто гвозди вбивал, и Матвей невольно поежился: столько в этих словах было злой решимости. Однако Никодим не впечатлился:

– И как ты меня заставишь?

Усатый усмехнулся нехорошо, достал из кобуры наган, показал его толпе:

– Не захотите добром – заставим силой. Как царских недобитков. А лучше все же добром. Ну что вам хорошего было от царя? Сколько вы налогу отдавали каждый год? А земля здесь чья?

Народ зашумел:

– Ты пистолем своим не маши! Не таких видали...

– Наша земля здесь!

Всем еще памятли были вывезенные в лес такие же находники. Помнится, старшего их, кудлатого и с наганом, из того же нагана в тайге и пристрелили как собаку. Так что пугать народ явно не стоило. Но усатый об этом не знал. Однако тон сменил:

– Красная власть – правильная! Все по справедливости будет.

Отец Матвея сказал громко:

– У нас и так все по справедливости. Нет обиженных в нашей деревне. Все при деле, все при хлебе.

И тут вмешался писклявый:

– Вот мы и посмотрим, сколько у вас хлеба. В других местах народ без хлеба сидит!

Отец перебил его:

– А кто им мешал тот хлеб вырастить?

Но писклявый, видно, взялся за излюбленную тему и вещал громко и уверенно:

– Надо делиться! Надо кормить рабочих на заводах! У них тоже семьи!

Тут не выдержал староста:

– Так ить они из-за вас голодают-то! Вы ж царя согнали и деньги его куда-то дели. А новых денег народу не дали. На что им хлеб покупать-то?!

Писклявый явно не нашелся что ответить, и в дело вновь вступил усатый. Хорошо поставленным басом он голосил на всю площадь:

– Так оно было или не так, а только людям помочь надо! Там ведь дети да бабы со стариками. О них подумайте!

Никодим сказал громко:

– То-то вы о них думали, когда все это учиняли.

Усатый снова ощерился зло:

– А вот это не твоего ума дело. Сказано – советская власть пришла, значит так и будет! Не хотите добром – встанем силой. Я все сказал.

Никодим прищурился недобро:

– Эй, говорильщик... А отдачи не боишься? Мы ведь тут тоже не из мякиша катанные.

Усатый уставился Никодиму в глаза и спокойно, размеренно произнес:

– Ты не понял. За нами – армия. С армией ты ничего сделать не сможешь.

Староста, чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля, вышел чуть вперед, поднял руку:

– А ну тихо вы, оба. Сошлись, как два кочета... Ты толком скажи, что за власть такая да чего хочет?

...Усатый распинался перед ними битый час, рассказывая и увещевая, убеждая и угрожая. В конце концов, староста сказал громко, так, чтобы все слышали:

– Для нас тут ничего не меняется. Наверное. Какая там власть мы тут и при царе не особо знали. И тут так же будет, я думаю. Но пришедшие к нам люди говорят, что власть устанавливать будут не раньше, чем к осени. Как раз когда урожай поспеет. Так что время есть. А пока они просто перепишут дворы и уедут.

Делегаты уехали. В дом их так и не позвали, да и ночевать было негде. Дома пустыми стоят, но знать об этом им не обязательно. Хотя вряд ли от них укрылись пустые дворы...

...Первой, кого увидел Матвей на стане, была Любава. Она сидела у костра и помещивала большой деревянной ложкой какое-то варево в большом котле. Впрочем, пахло от котла

так, что Матвей даже с шага сбился. Подошел ближе, глянул через Любавино плечо в котелок и невольно сглотнул слюну – там медленно булькали густые, наваристые щи. Любава вскинула глаза, увидела Матвея и улыбнулась ему сердечно:

– Здравствуй, Матвей. Оголодал?

– И тебе здравствуй, Любава. Есть немного.

– Немного? – она звонко рассмеялась, – видел бы ты свои голодные глаза! Ну ничего, скоро уже доварятся щи, поснедаем. А не то хочешь, каши дам? С обеда осталась, с луком.

Матвей вновь сглотнул слюну, но отказался:

– Ну нет, каша потом. Я шей хочу.

Сказал и пошел к родничку, умыться и напиться с дороги. Когда возвращался назад, встретил Анютку. Она обрадовалась ему:

– Привет, Матвейка! Как в деревне было, расскажешь?

Матвей тоже улыбнулся – он давно ее не видел и был искренне рад встрече:

– Привет, глазастая. А чего рассказывать? Вон староста вечером на сходе все и расскажет.

Анютка покраснела, опустила глаза и шмыгнула Матвеем за спину, к родничку.

Дойдя до стана, Матвей остановился на краю костровой поляны и удивленно воззрился на открывшуюся его глазам картину: Игнат стоял, прижав ладонь к щеке, а напротив него стояла Любава. Глаза ее гневно сверкали, губы сжаты в тонкую линию, кулачки сжаты до побелевших костяшек. Она заговорила, цедя слова сквозь зубы от едва сдерживаемого гнева:

– Больше никогда... слышишь? Никогда не хватай меня... иначе... иначе....

Она отвернулась резко, порывисто и пошла прочь. А Игнат так и стоял, прижав руку к наливающейся краснотой щеке. Матвей подошел к нему, развернул к себе, положив руку на плечо:

– Чего это у вас?

Игнат убрал руку от щеки, опустил глаза и забубнил:

– Да хотел с ней пошутить, хватить ее за руку и в щеку чмокнул... а она вот, – он вскинул на Матвея глаза.

Матвей же, видя виноватые глаза друга, сказал:

– Ты ведь знаешь, как она без родителей осталась. Не надо ее хватать, Игнат.

Развернулся и пошел к своему кострищу. На тайгу тихо опускался вечер.

На лавке у костра он нашел крынку с молоком да краюху хлеба – плотного, тяжелого. Как мама ухитрилась выпекать хлеб в тайге, без печи? Оттого он и получался таким.

Матвей скинул с плеча винтовку, повесил ее на сук, присел на лавку, снял с крынки тряпицу, заботливо обвязанную веревочкой, обтер запотевшие бока и сделал пару добрых глотков, высоко задрав подбородок. Опустив голову, он увидел стоящую перед ним Любаву. Она смотрела на него испытующе:

– Щи поспели, Матвей. Пойдешь снестать?

– Присядь, Любава. Спросить тебя хочу...

Она нерешительно подошла и присела на краешек лавки, будто готова была убежать в любой момент.

Матвей глядел на нее: красивая все же. Очень красивая.

– А я знаю, о чем ты спросить хочешь, – тихо проговорила Любава.

Сказала и подняла на Матвея полные слез льдисто-синие глаза. Он смутился, опустил взгляд, но потом все же взглянул Любаве в глаза и спросил:

– За что ты Игната пощечиной наградила?

Любава покраснела густо, на длинных пушистых ресницах задрожали готовые сорваться слезы. Но ответила решительно:

– А чего он меня хватает, будто я девка дворовая?

Потом снова опустила глаза и продолжила едва слышно:

– Он меня когда схватил, я как будто в ту ночь провалилась... и...и ударила...

Слезы все же закапали, пятная вышитый подол. Матвей погладил ее по пепельным волосам, отметив про себя, какие они мягкие и шелковые:

– Не плачь, Любава. Ты ведь уже здесь, и никто тебя из наших обидеть не хочет. Не дело так сразу по мордам бить. Игнат – он хороший парень, добрый. И сам за тебя кого хочешь обидит.

Это была чистая правда. Деревенские друг за дружку горой стояли всегда. И если кто девчонку обидел, несдобровать тому было.

Любава вытерла глаза ладошками, встала, оправила подол и сказала повеселевшим голосом:

– Так снедать-то пойдешь? Стынут щи.

Щи оказались на диво вкусными, наваристыми и сытными. Мелко-мелко порезанная квашеная капуста, разварное мясо, укроп, чесночок, добрая жменя жгучего перца и ложка густой сметаны... Матвей ел, обжигаясь и заедая хлебом, щедро намазанным горчицей и присыпанным крупной солью. Ел и никак не мог наесться, так было вкусно. Рядом так же усердно работали ложками несколько парней да малая ребятня. Ели да нахваливали Любаву, а та смотрела на них с улыбкой, подперев подбородок кулачком.

Со спины подошел отец, хлопнул Матвея по плечу:

– А ну, подвинься-ка, сын. Тоже хочу Любавиных щей отведать. А то едите так, что аж за ушами трещит, – он усмехнулся по-доброму и подмигнул Любаве, которая уже выставляла перед ним на стол из грубо оструганных досок парящую тарелку. Вынул из-за голенища ложку, обтер ее чистой тряпицей, да и зачерпнул щей со дна, погуще. Попробовал, крикнул довольно и принялся за еду. Ел он обстоятельно, без спешки, подолгу дуя на ложку и тщательно пережевывая. Один из старшаков, глядя на Матвея с отцом, щедро намазал краюху горчицей и впился в нее зубами. Подошедший Игнат хотел было предупредить, да не успел. Старшак покраснел вдруг, глаза его расширились. Он судорожно хватанул ложку горячих щей, еще одну... Лоб его покрылся бисеринками пота, ноздри раздувались так, будто он пробежал версту, никак не меньше.

Ребятня за столом аж есть перестала. Все смотрели на отчаянного старшака сначала с удивлением, а затем и со смехом – очень уж потешно он выглядел. Матвей же поглядывал с любопытством, не отрываясь, впрочем, от еды. А отцу, казалось, и вовсе дела не было.

Переведа дух, старшак сказал сдавленно, ни к кому не обращаясь:

– Это что ж за горчица такая... ядреная... Дядь Матвей, ты чего в нее добавляешь такое?

Отец оторвался от щей, поднял на старшака ехидно блестящие глаза, и ответил с хитрецой:

– То секрет давний, таёжный. Не всякому его говорить можно. Так что ешь... помалу.

И снова принялся за еду. Игнат же из-за спины старшака сказал с усмешкой:

– Нешто ты дядь Матвееву горчицу не знаешь? Про нее ж вся деревня знает. Староста даже вон у него горчички просит к холодцу да пельменям. Эх ты...

Матвей поперхнулся, услышав такое заявление от Игната, который сам совсем недавно в их доме точно так же отведал горчицы и пару минут не мог вдохнуть. Но говорить ничего не стал. Поев, отец поднялся и поманил Матвея за собой:

– Пойдем, сын, к ночи дело уже. Надобно день завтрашний продумать.

Матвей поднялся и пошел следом, к их кострищу. Распалили костерок, подвесили котелок для чая, сели. Отец заговорил:

– Пасеку надо проверить, на участок подняться. Один пойдешь, мне здесь надо быть. Непокойно что-то на душе...

Матвей посмотрел отцу в глаза:

– Что не так, бать?

Отец передвинул котелок чуть ниже, поворошил сучья в костре:

– Не знаю, сын. Знаешь, как у зверя чутье на опасность? Вот и у меня.... Вроде нормально все, а шерсть на зашивке дыбом стоит. Непокойно мне после этих... делегатов, – последнее слово он словно бы выплюнул.

Матвей молча смотрел в огонь: у него тоже что-то ворочалось в душе, какой-то ледяной комок. Надо, значит пойдет и один. Тайгу эту он хорошо знает, Серко с ним, винтовка с патронами да топор с собой, справится.

Глава 5

Планам их не суждено было сбыться: вечером на стан пришел чужак. Штабс-капитан Ухов. Тот самый, что так ловко распутал узлы и ушел от Матвея с отцом из дома деда Власа. Просто возник из темноты, не потревожив ни собак, ни дозорных. Подошел к костру, поздоровался, глядя на Матвея с отцом:

– Поздорову вам, добрые люди. Позвольте к огню?

И, не дожидаясь ответа, свалил у костра охапку сушняка, присел на бревнышко и протянул к огню руки с тонкими пальцами. Староста глянул на него из-под насупленных сердито бровей:

– И тебе не хворать, человеке. Таежный закон, вижу, знаешь, – староста кивнул на сваленные у костра дрова, – откуда ты такой ладный к нашему костру?

Матвей во все глаза глядел на Ухова. В этот раз он был без шинели. Хромовые сапоги, галифе и ладно пригнанный мышастый китель, туго подпоясанный широким ремнем. Головного убора не было, и соломенные курчавые волосы шапкой нависали над серо-стальными спокойными глазами. Лицо, однако, было изможденным, тугой ворот кителя расстегнут и в прогоне видно крестик на простом шнурке. Ухов спокойно (это его спокойствие удивило Матвея еще в первую встречу) посмотрел на старосту и заговорил:

– Зовут меня Петр Ухов, я штабс-капитан... бывший. К вам оттуда, – он кивнул за спину, в сторону темнеющей тайги.

Отец Матвея заговорил:

– Это, Петр Милованыч, тот самый, который от меня ушел, веревки распутавши.

И, обращаясь к Ухову, продолжил:

– То, что из тайги, понятно. Ты не крути, Ухов. Зачем припожаловал?

Тот усмехнулся:

– А помочь вам хочу. Да и себе заодно. Вот и пришел.

Староста закашлялся, но справился и спросил:

– Это чем же ты нам помочь вызвался, помощничек? Вроде со всем пока справляемся – он обвел рукой стан и сидящих вокруг костра взрослых да детей.

– Со всем, да не совсем, – Ухов усмехнулся горько. Потом спросил, глядя на Матвея:

– Не найдется ли поесть чего? Третьи сутки бегаю...

Матвей молча поднялся и ушел к своему костру: там на лавке все еще стояла крынка с молоком да лежала краюха хлеба. Анютка подхватила, принесла Ухову чугунок с кашей. На время все занялись своими делами, давая гостю насытиться. Однако же любопытные взгляды то и дело скрещивались на его крепкой фигуре. Наконец пришлый доел, запил все молоком и обратился к старосте:

– Спрашивайте, а я отвечать стану.

К костру подсели Никодим с Ковалем и Кряжем, прислушиваясь к разговору. Петр Милованыч побряхтел по-стариковски, устраиваясь поудобнее, и задал первый вопрос:

– Кто ты есть, бывший штабс-капитан?

Ухов помолчал, явно обдумывая ответ:

– Теперь и не скажу даже. Пока офицером был, служил стране и народу. А сейчас... сейчас для новой власти враг. И для сослуживцев бывших тоже... не свой. Сам по себе остался.

Никодим пробасил глухо:

– А бегал от кого?

Ухов окинул могучую фигуру Никодима взглядом, зло сжал зубы, но сказал:

– От своих и бегал. Повадились они деревни грабить и обозы. Не по пути мне с ними оказалось.

– Как убег? – Никодим с любопытством смотрел на Ухова. Не производил тот впечатления опытного таежника.

– Разведка все ж – бросил Ухов и усмехнулся горько.

Слово вновь взял староста:

– И далеко ль от нас твои тати? – он выделил голосом «твой», и Ухов недовольно поморщился.

– Не мои они. Увижу – стрелять буду. Было б из чего... А не из чего стрелять будет, зубами буду грызть. Далеко ль они, не знаю. Три дня назад были верстах в двадцати отсюда и шли в сторону Уймона.

Отец спросил, глядя Ухову в глаза:

– Много вас было?

Он намеренно сказал «вас», не спеша отделять Ухова от его сослуживцев, разбойничающих сейчас где-то по глухим деревням.

Штабс-капитан скривился, словно от зубной боли, но все же ответил:

– Полных пять десятков, все строевые, при оружии и на конях.

Все взгляды устремились к отцу Матвея. Он пожевал губами задумчиво, потом сказал:

– Ну, на конях в тайгу особо не сунешься. Двигаться могут только по дорогам и тропинкам, что хорошо. Кто из них тайгу хорошо знает?

– Да никто. Я у них за провожатого был. Теперь точно только по тропинкам да дорогам будут идти.

Староста вновь взял слово:

– А к нам зачем пришел?

– Одному в тайге не выжить. А вам я могу быть полезным.

– Это чем же?

– Ну вот сейчас, например, я вам рассказал о том, что вокруг бродят остатки царской армии. И если они к вам придут – разграбят точно. Это польза?

– Польза, – староста кивнул степенно. Помолчал, обдумывая что-то, потом спросил:

– Жить здесь думаешь?

– Если не прогоните. Прогоните – дальше пойду. У меня теперь дорог много, да путь один.

– А умеешь что? Окромя как разбойников на деревни да обозы наводить?

Ухов вскинулся, глаза сверкнули бешенством, но взял себя в руки: имел староста право на такой вопрос. Помолчал немного, успокаиваясь после вспышки гнева, и заговорил все тем же спокойным размеренным голосом:

– Да все, что нужно умею. Работы не бегаю, стрелять обучен, по лесу ходить и выследить кого надо могу. А то и укрыться от кого ни то. Приставите к делу, пригожусь где-нибудь.

Отец хмыкнул и задал давно вертевшийся на языке вопрос:

– Ты в прошлый раз в деревне присматривал, нет ли чего пограбить?

Ухов покачал головой отрицательно:

– Нет. Отряд мимо прошел, а я за разведку. Должен знать, что в тылу остается. Деревня пустая очень меня удивила, вот и решил пройтись по домам.

Отец с сомнением смотрел на штабс-капитана, но тот безропотно выдержал его испытующий взгляд.

– Ну хорошо. А чего сбег тогда?

– А ты б на моем месте не сбежал?

Отец протянул с сомнением:

– Ну да, ну да... И все же не пойму – ты зачем пришел? Доверия к тебе нет, это ты должен понимать. Тогда на что надеешься-то?

И тут Ухов сказал такое, от чего у Матвея упало сердце:

– Попался отряду в тайге человек, Бирюком назвался, – сказал и уставился отцу в глаза. Отец спросил:

– Ну и?

Ухов усмехнулся:

– Вот тебе и «и». Рассказал он, что в этих местах люди шибко душевные живут.

Отец нахмурился и спросил, глядя на Ухова недобро:

– И где теперь Бирюк?

– А кто его знает? Он от дедушки ушел, он от бабушки ушел... Посадили его под замок, а он возьми и уйди ночью.

Отец перебил:

– Где это было?

Ухов остро глянул на отца, будто иголкой ткнул:

– Далече отсюда, по пути на Уймон. На дневном переходе я его прихватил. Он шел параллельно с нами, но скрытно. Ну и на всякий случай...

– Не поломал ты его? Ломаному в тайге не выжить.

– Поломаешь такого, как же. Он только потому не ушел сразу, что я к нему со спины подошел и стволom за ухо ткнул. А так бы я с ним не совладал – шибко здоров.

Разговор с Уховым затянулся бы еще надолго, но у костра появилась Любава, до этого нянькавшаяся с самыми маленькими. Они очень любили ее пение, и каждый вечер просили спеть им колыбельные. Любава шагнула в круг света от костра, увидела Ухова и воскликнула:

– Петр Нифонтович! Вы?!

Она не верила своим глазам. Стояла, заломив руки, и смотрела над костром на сидевшего штабс-капитана. Тот посмотрел на нее, улыбнулся тепло, встал и шагнул к ней, протягивая руки:

– Любава! Как ты здесь? А где же батюшка твой с мамой?

Любава шагнула к нему, уткнулась носом в китель на его груди и горько расплакалась. Ухов гладил ее по голове и что-то негромко говорил. Матвей глядел на них, и в груди его разгоралась глухая злоба. Но в объятии Ухова не было ничего предосудительного, он обнимал Любаву по-отечески. Так обнимают дочку давних друзей после долгой разлуки.

Наконец пришлый отстранил Любаву, повернулся ко всем и сказал:

– Мы с отцом Любавы дружны были очень, с детства еще. А тут вон, видишь, как повернулось.

Любава успокоилась и присела на лавку рядом с Матвеевым отцом, не сводя глаз с Ухова. А тот повернулся к старосте и сказал:

– Спасибо, что приютили девочку. Еще бы извергов тех найти.

Никодим усмехнулся недобро:

– Не найдешь.

Ухов повернул к нему ставшее жестким лицо:

– Всех?

Никодим кивнул молча, но тут вмешалась Любава:

– Дядь Петь, тут знаете как было?! Они налетели на деревню. Петра Милованыча – она кивнула на старосту – избили, но тут дядя Никодим их главного по голове кулачищем треснул, они за оружие... Тут такое началось!

Глаза ее лихорадочно блестели, щеки покраснелись, кулачки сжались...

– Тихо, тихо, тараторка! – Ухов усмехнулся, – давай по порядку.

Но тут заговорил Никодим:

– Нечего тут рассказывать. Были тати, да нету. Вышли все.

Собравшиеся у костра мужики молчали: всем были памяты эти события. Штабс-капитан кивнул понимающе и заговорил о другом:

– Где мне можно шалаш поставить?

Отец покачал головой:

– Нет. Свой шалаш не надо. Давай под общий навес к мужикам. Ты человек новый, побудь на виду пока. Да и пообвыкнешься с нашими порядками. За скотиной походишь пока.

– Могу и за скотиной, без разницы мне...

...Жизнь текла по заведенному порядку. В деревне менялись дозоры, и Матвей уже пару раз в них побывал. Женщины так же выезжали на свои огороды, дед Влас с Матвеем обучали ребятню искусству ловли рыбы, и на солнечных местах тут и там висели вязанки вяленой рыбы. Заготовили орляка, и сейчас он солился под гнетом в больших кадках.

Матвей сегодня весь день провел на реке, с ребятней. Вчера они навязали разных мух, и сегодня отправились пробовать поймать на них хитрого хариуса. Мальцы старались, как могли, и общими усилиями поймали-таки к вечеру одного серебристого красавца. Сколько восторгов было у мальчишек, и с какой гордостью они несли его в стан, показывать старшим!

Зато отец вернулся из деревни мрачнее тучи: кто-то ночью прошелся по пустующим домам в поисках хоть чего-то, чем можно поживиться. Не найдя ничего, чужаки подпалили сарай на самой окраине деревни, и дозор тушил его полночи. К слову сказать, сами виноваты. Какой же это дозор, если не углядели лиходеев?

На общем сборе решили, что это какие-то мелкие воришки, коих сейчас развелось без числа. Серьезные грабители вроде того же отряда Ухова, вряд ли стали бы из чистой пакости поджигать сарай. Пришли тихо и так же тихо ушли. Но дозор нужно усиливать, иначе так завтра всю деревню сожгут.

Назавтра Матвей уходит в тайгу на три-четыре дня. Один. Отец вместе с Уховым будут налаживать дозоры, и Матвею с Серко придется одному пройти сначала до пасеки, а затем подняться на участок и уже от него дойти до стана. Так он осмотрит сразу большую территорию. Отец наказал ему посмотреть следы разных зверей, чтобы понять, с кем они соседствуют в этом году. Например, та рысь, с которой Матвей встретился совсем недавно, могла поселиться где-то неподалеку. Да и появление такого большого количества людей в тайге не могло не повлиять на таежную живность. Вот и нужно Матвею выяснить, рассчитывать ли им в этом году на богатую охоту, или придется за зверем забираться подальше?

...Вечером они сидели с мамой и отцом у костра. Сегодня они истопили баньку и знатно напарились. Не так конечно, как дома, но все равно хорошо. И сейчас, размякшие, распаренные, сидели на лавке. Прохладный вечерний воздух оглаживал разгоряченное тело, заставляя блаженно щуриться.

Мама была особенно ласкова сегодня. Трепала Матвея по непослушным вихрам, все норовила подлить чаю да уговорить съесть еще один пирожок с капустой. А он не мог уже есть, столько любимых пирожков проглотил.

– Ну мам, не могу уже, – он со смехом уворачивался от ласковых маминых рук.

Она смотрела на него как-то... печально? Или это только кажется?

– Мам, я в дорогу возьму лучше.

– Конечно возьмешь, а как же? Да только я ведь много нажарила, так что ешь давай.

Отец смотрел на них усталыми смеющимися глазами, отпивая из кружки горячий чай. Такой хороший вечер, как в деревне, в их доме. Мама присела вдруг перед Матвеем, повернула его лицо к себе, посмотрела в глаза внимательно и строго:

– Сынок, пообещай мне, что будешь осторожен. Непокойно мне, сердечко что-то в груди трепещет. Будь внимателен, зверя берегись, под ноги смотри.

– Мам, да ты не переживай! Я ведь здесь все наизусть уже выучил, каждый куст знаю. Ну мам. – Матвей видел, что мама отчего-то сильно переживает. В уголках губ залегли горькие складки, в глазах плещется тревога.

Отец подсел к ней сзади, приобнял:

– Ну чего ты распереживалась, глупая? Сын у нас взрослый совсем, лесовик настоящий. Стрелять умеет, зверя бить тоже, да и тайга здесь правильная, наша тайга.

Он потерся щекой о ее плечо и подмигнул сыну. Мама вдруг обняла их обеими руками, притянула головы к себе, поцеловала в макушки. Из глаз ее катились слезы. Матвей вывернулся из-под руки:

– Мам. Ну чего ты плачешь-то, мам? Все ж хорошо, мам. Ну хочешь, я Игната с собой позову? Или еще кого, а?

Мама утерла слезы, махнула рукой:

– Да не обращай внимания, сынок. Бабье это, бывает такое. Накатило что-то вдруг... Пройдет...

Матвей обнял ее, чмокнул в мокрую щеку, погладил по волосам...

Так они просидели, пока не прогорел костер...

Едва забрезжил рассвет, и Матвей уже отвязывал застоявшегося за ночь жеребца-трехлетку, черного как смоль Орлика. Прозвал он его так за стать и быстроту. Высокие стройные ноги с тонкими бабками, поджарое блестящее тело, аккуратная голова на высокой шее. Он совсем не был похож на привычных в этих местах коней, массивных, круглобоких, с мощными ногами. Характер у Орлика был неуживчивый. Вечно он задирали других жеребцов и норовил хватануть кого-нибудь из них зубами. К людям тоже относился без особенного почтения: ржал зло, визгливо и привставал на задних ногах, грозя копытами. Матвея, однако, он сам выбрал в друзья.

В тот день Матвей по наущению отца вышел в поле, где пасся табун с малыми жеребятами. Ходил между пасущихся коней, бесстрашно оглаживая бока и отпихивая в сторону любопытно тянущиеся к нему лошадиные головы. И вдруг навстречу ему выскочил жеребенок, черный, быстрый и очень прыгучий. Он козлил да взбрыкивал перед Матвеем, будто в игру приглашал. Потом подошел, ткнулся носом в ладони, фыркнул тихонько и прикусил край рубахи... Возвращался Матвей с поля в сопровождении Орлика. Мамка его, пегая кобылица, ржала призывно, встревоженная, но Орлик упрямо дошел до края поля. Матвей развернулся, погладил его по шее, чмокнул в мягкий нос и хлопнул по боку. И только тогда Орлик развернулся и поскакал, подпрыгивая, к табуну. Так и подружились...

...Орлик приветливо фыркнул, принимая от Матвея загодя припасенную круто посоленную краюху, потерся щекой о его плечо, нетерпеливо переступая: не мог он долго стоять на месте. Мама, зная такой беспокойный нрав жеребца, часто говорила Матвею:

– Уж ты с ним поостороже, сынок. Иначе сбросит он тебя с кручи, бедовый.

Но Матвей лишь усмехался в ответ. Он твердо знал, что Орлик ни за что ему не навредит.

Вот и сейчас Матвей споро оседлал Орлика, подтянул подпруги, закинул ему на спину повод и одним рывком вскочил в седло. Конь рванулся было с места, почуяв на спине знакомую тяжесть, но Матвей только цокнул тихо, и он степенно зашагал по стану. Серко бежал чуть впереди, и его свернутый колечком хвост то и дело исчезал за деревьями. Тайга просыпалась, потягиваясь в первых солнечных лучах. Тонко пищали первые комары, пробовали голос синички да кедровки, где-то застрекотала белка да раздался дробный стук дятла.

Стоявший в дозоре Иван, увидев Матвея, улыбнулся добродушно:

– Стой, кто идет.

Матвей чуть тронул поводья, и Орлик встал как вкопанный.

– Дааа, дисциплина у тебя, я погляжу, – Иван подошел, опасливо косясь на своенравного Орлика, но тот и глазом не повел. Седок ведь спокоен, так что...

Матвей улыбнулся в ответ:

– А ты все сторожишь?

– Сторожу, а как же? Далеко ты, Матвей?

Матвей собрался было ответить, но тут вдруг совсем рядом, за спиной, заголосил петух. Да так громко, что Орлик даже присел на задние ноги и дернулся в сторону. Но легкого движения колен Матвея хватило, чтобы жеребец снова замер. Иван только восхищенно цокнул языком. Матвей сказал:

– Поеду пасеку гляну да на отцов участок посмотрю. Надо избу проверить да зверей подметить. Будет ли охота в этот год?

Иван покивал важно, потом сказал:

– Ну бывай, Матвей Матвеевич, – и подмигнул Матвею, широко улыбнувшись.

– И ты бывай, Вань, – Матвей тронул бока жеребца пятками, и тот сначала зашагал, а потом перешел на рысь. Похоже, утренние сумерки ему ничуть не мешали.

До пасеки Матвей добрался к обеду. Спешить было некуда, да и по сторонам он старался смотреть внимательно. Вчера, отведя его в сторону так, чтобы не слышала мама, отец сказал:

– Ты вот что, сын. По сторонам смотри внимательно, с опаской. Сам слышал, бродят вокруг... разные. Мало ли что. Если увидишь кого – беги, в разговоры не вяжись и схватить себя не дай. Орлик твой легконогий, вынесет. К нам скачи. Вместе уж всяко себя обороним, а и других тоже. Понял?

Матвей только кивнул. Виду он не подал, но в душе поселилась тревога. Вот и ехал сейчас неспешно, чутко слушая тайгу и поглядывая по сторонам да на бегущего рядом Серко. Друг точно даст знать, если кого чужого учует.

Уже перед самым зимовьем Серко остановился и зарычал низко, глядя куда-то вверх. Матвей уже знал, кого он там увидит. Поэтому рванул с плеча винтовку, зарядил быстро – сухо лязгнул затвор, загоняя патрон в ствол. Вскинул винтовку к плечу и принялся выглядывать рысь. Вот она. Здоровенная кошка с рыже-палевыми боками и черными кисточками на аккуратных ушах распласталась на ветке могучего кедра. Она так тесно прижалась к ветке, что Матвей не сразу ее разглядел. Из груди зверя вырывался жуткий низкий рык, и Матвей подивился – как в таком небольшом теле может поместиться такой страшный звук? Но дивиться дивился, а целиться не переставал.

Задержал дыхание, плавно нажал на спуск. Ббам! Приклад боднул в плечо, рысь словно хорошим пинком сбило с ветки и бросило на усыпанную хвоей и заросшую невысоким подростом землю. Матвей успел передернуть затвор и взял лежащую на земле хищницу на прицел, но та лежала неподвижно, бока не вздымались. Серко подлетел, обнюхал рысь и повернул к Матвею довольную морду. Знатная добыча.

Матвей спешился, привязал Орлика, вынул нож и подошел к поверженному зверю. Так и есть: глаза остекленели, приоткрытая пасть демонстрирует солидные клыки. Разделка много времени не заняла. Ободрал шкуру, пересыпал крупной солью (специально взял на такой случай), скатал в тугой рулон и спрятал в арчимаке. Отхватил задок – на пасеке пожарит. Немного мяса бросил Серко, часть отрубил и забросил в арчимаке – будет чем покормить друга вечером.

Мясо рыси – настоящее лакомство, об этом ему рассказывал еще дед, да и отец говорил. Быстро управившись, Матвей снова вскочил в седло и направил Орлика в сторону пасеки, думая о том, что теперь детвора может ходить по тайге без опаски. Всякий зверь норовит от человека спрятаться, но рысь может и напасть, если почувствует, что это безопасно...

На пасеке все было в порядке. Шалаш они подновили, еще когда привезли улья, седмицу назад. Пчелы вовсю крутились над первыми травами и деловито сновали в летки.

Костер Матвей распалил быстро, накидав побольше сучьев: для запекания мяса ему нужны были угли. Затем сходил к озерцу, отмыл мясо, набрал воды в котелок, и вскоре тот уже весело булькал над костром. Матвей сорвал несколько крупных сочных лопухов, положил их на траву. Затем натер мясо солью, завернул в лопухи и отложил в тень – пусть отмякнет пока, солью напитается. Пока прогорал костер, Матвей достал кусок солонины, отхватил от него ломоть и быстро нашинковал в мелкую кашичу. Мясо у рыси суховатое, и сало не помешает.

Наконец костер прогорел, чай запаривался в котелке, и Матвей взялся за готовку. Развернул мясо, натер его салом, снова тщательно завернул, добавив еще несколько лопухов, и закопал в угли. Теперь только ждать.

Пока ждал, почистил и напоил Орлика. Тот с благодарностью принимал ласку, и Матвей усердно скреб его бока жесткой щеткой, проверял копыта, вычесывал гриву гребнем. Нужды в этом особенной не было, вспотеть Орлик не успел, но Матвею нравилось ухаживать за жеребцом.

Когда солнце уже клонилось к закату, и над пасекой разнесся невероятный аромат, Матвей не выдержал, раскопал угли и извлек мясо, завернутое в черные и местами прогоревшие лопухи. Отложил в сторону, снова сгреб угли в костер и накидал сверху сушняка. Затем развернул лопухи. ...Ммммм! Какой запах! А вид! Мясо пропеклось, было подрумяненным и пахло просто одуряюще. Матвей, у которого с утра во рту не было ни крошки, с урчанием впился в него зубами. Мясо было белым и по вкусу чем-то напоминало зайчатину, разве что было погрубее. Но и вправду очень вкусно. Век живи век учись.

Пожинав и напившись чаю, Матвей лег перед шалашом, глядя на постепенно темнеющее небо. Серко улегся рядом, положив лобастую голову Матвею на ноги и щурясь блаженно – Матвей трепал его за ухом. Орлик хрупал молодой травкой и изредка пофыркивал, хлопывая себя по бокам расчесанным хвостом.

Пудобней подбив под голову свернутую в комок телогрейку, Матвей принялся вспоминать, кого из таежных обитателей он сегодня видел. Всякой лесной мелочи вроде бурундуков с белками без счету, несколько копалух спугнул да рябков. Видел след сохатого, его ни с чем не перепутаешь, оттиск медвежьей лапы, уже оплывший. Не похоже было, что люди как-то очень сильно повлияли на обычный звериный уклад. А вот соболя не встретил ни одного, но это и не удивительно. Соболю – зверек осторожный, на глаза старается не попадаться.

За этими размышлениями Матвей чуть не прозевал приход ночи. Поднялся, подобростил в костер сушняка да пару отсыревших бревешек. Они до утра будут просыхать и дадут хорошие угли. Все, теперь спать, завтра сложный подъем до участка.

Глава 6

....Туман легкой кисеей висел над небольшим озерком у пасеки, путался в ветках подроста, цеплялся за торчащие из травы тут и там сухие репейники. Матвей пошел было умыться, да не выдержал, быстро разделся и с разбегу бросился в студеною воду. Серко, глядя на такое безрассудство, тоже махнул в озеро и поплыл к Матвею, пытаясь прихватить его вершковыми зубами за плечо и выволочь на берег. Это была их давняя забава. Орлик лишь фыркал, поглядывая на плещущихся друзей, и помахивал хвостом. Затем тоже шагнул к воде, зашел немного и принялся шумно пить, низко склонив голову. Матвей подобрался к нему поближе и ударил по воде ладонью, высекая веер брызг коню в морду. Тот отшатнулся, недовольно фыркнул и попятился, выбираясь задом на поросший травой берег...

Наскоро позавтракав разогретым на костре мясом и запив его духмяным чаем, Матвей оседлал Орлика, приторочил арчимаки и отправился в путь. День предстоял насыщенный. Один подъем на участок чего стоил. Матвей хорошо помнил, как в прошлом году они с отцом поднимались в гору, толкая телегу и временами останавливаясь для отдыха, а потом прятались от бури под старой пихтой. Хорошо хоть сейчас нет телеги, будет полегче.

До начала подъема добрался не спеша, поглядывая по сторонам внимательно, стараясь подметить следы пребывания зверей. Но в этих местах отчего-то зверья было значительно меньше, будто спугнул кто. Вполне может быть. Матвей помнил о предупреждении отца и рассказах Ухова.

Подумав о возможных ненужных встречах, он заозирался с удвоенным вниманием, не выпуская из виду Серко. Пес сновал по окрестным кустам, не отрывая носа от земли и временами оглядываясь на Матвея. Вот остановился, задрал голову кверху, принюхиваясь к чему-то. Фыркнул, смешно мотнув головой, и потрусил дальше. Орлик тоже вел себя беспокойно: прядал ушами, фыркал и жевал удила, словно порывался бежать. Первый взлобок миновали легко, Матвей даже спешиваться не стал. Он поглядывал по сторонам, пытаясь уловить в воздухе хоть что-то, что так встревожило Серко и Орлика, но вокруг было спокойно. Тайга пела на разные голоса, шелестела легким ветерком и поглаживала по плечам солнечными лучами, успокаивающе гудели насекомые. Через какое-то время жеребец пошел ровнее, да и Серко перестал челночить и трусил чуть впереди, и Матвей успокоился. Уж очень хорош был занимавшийся день: теплый и ясный, безмятежный.

Вот и первый тягун (тягунами называли подъемы, подниматься в которые приходилось долго и трудно). Тут уж Матвей заранее спешился – незачем излишне трудить друга, ему и так нелегко с полными арчимаками да седлом на спине.

Где-то на середине подъема навстречу Матвею из кустов выскочила кабарга, он узнал ее по торчащим из-под верхней губы здоровенным клыкам. Выскочила, увидела Матвея и шарахнулась в сторону, поскакала вниз по почти отвесному склону. Орлик никак не отреагировал на ее появление. Еще бы, он был больше оленька раза в три. Выскочивший следом из кустов Серко только посмотрел ей вслед разочарованно, потом глянул на Матвея извиняющимся взглядом и пошел вверх по тропе.

Так, с короткими передышками, добрались до первого перевала. Привязав Орлика в теньке, Матвей направился вглубь леса. Там, как он помнил, должен быть небольшой родничок. Шаг, другой, и перед глазами Матвея открылась поляна, сплошь заросшая кандыками! Ярко-фиолетовые и снежно-белые цветы тянули свои бутоны к глубокому синему небу, и тонкий их запах кружил голову. Матвей обошел поляну по кругу, не хотелось ему топтать такую красоту. Напившись студеной воды и наполнив кожаную фляжку, он направился назад. И вдруг увидел метрах в тридцати небольшого медведя. Тот неспешно шел по склону, шумно обкусывая молодую травку. Серко стоял рядом с Матвеем, молча скаля зубы и поглядывая на друга,

мол, что делать будем? Матвей скинул винтовку с плеча, загнал патрон в патронник. Медведь повернулся и посмотрел на них долгим взглядом. Затем развернулся и, сделал шаг в их сторону...еще один... Матвей вскинул винтовку к плечу, Серко рванулся навстречу зверю, и медведь отступил. Развернулся и, смешно косолапя, поспешил прочь вниз по склону. Матвей свистнул, отзывая Серко, и пошел к Орлику, пора было двигаться дальше.

Солнце уже давно перевалило за полдень, Матвей проголодался и принялся на ходу доставать из арчимака мясо и хлеб. Приметив у тропы несколько побегов черемши, спрыгнул с седла и быстро нащипал небольшой пучок. С мясом куда как вкусно!

Хороший кусок мяса перепал и Серко, и пес приотстал. Это чуть было не закончилось плачевно. Давешний медведь выскочил на дорогу метрах в пяти перед Орликом. Винтовка висела у Матвея на плече, руки были заняты едой. Орлик встал как вкопанный, гневно всхрапнув. Медведь стоял на тропе, опустив голову к земле и глядя на Матвея неотрывным, давящим взглядом. Матвей не нашел ничего лучше, как бросить в зверя недоеденным куском мяса. Медведь отшатнулся было, но потом учуял запах съестного и схватил мясо зубами. Матвей сорвал с плеча так и не разряженную винтовку, прицелился и выстрелил... в дерево рядом с медведем. Убивать зверя он не хотел. Мясо не взять, шкура тоже дрянь, да и возиться с ним не было никакого желания. В этот раз медведь решил не испытывать судьбу и сломя голову рванул в тайгу. Примчавшийся на выстрел Серко погнал его, азартно облаивая, но скоро вернулся. Матвей полез в арчимака за следующим куском мяса.

Подъем дался им нелегко. Второй тягун был крутым и длинным, солнце немилосердно пекло, и Матвей обливался потом. Все же не нужно было есть перед подъемом, и тем более, много пить. Но куда деваться теперь. Опыт – лучшая наука, как говорит отец.

Мысли Матвея переключились на родителей. Отчего мама была сама не своя перед его уходом? Да и отец хмурился и курил больше обычного. Что-то их тревожило, и тревога эта невольно передалась и Матвею. Он принялся вспоминать, что же было в последние дни такого, что могло так встревожить обычно спокойного и рассудительного отца. Разве только пакостники те, что сарайку пожгли? Ну и появление Ухова с его рассказом о разбойничающих отрядах. Да, было о чем волноваться. Ведь целая деревня в тайге, с женщинами и малыми детьми. Их защитить надо, но и деревню без присмотра не бросишь. Где на все сил набраться и людей? Да и не умеет отец правильную оборону организовать, не военный ведь. Просто действует по своему разумению. Благо, мужики в деревне всё же рукастые и стрелять умеют, тайга под боком.

За этими размышлениями Матвей забрался, наконец, на перевал. Орлик дышал шумно, поводя боками, но усталым не выглядел. Серко упал в теньке, вывалив язык и часто дыша. Матвей завел в тень и Орлика, сам прилег под кедром, прикрыл глаза. Он, похоже, устал сильнее всех из их небольшой компании. Ну да ничего, отлежится чуток, и пойдут они к тому самому родничку, где с отцом ночевали в прошлый раз. А завтра до избушки доберутся, подновят что нужно после зимы. Здесь, наверху, лето уже вступило в свои права: вовсю звенели насекомые, тенькали птицы, и жара стояла прямо-таки июльская. А на дворе меж тем начало мая. Отдышавшись, Матвей поднялся, сделал пару добрых глотков из фляжки, отвязал Орлика и направился в сторону полянки с родником...

Пожинали остатками мяса, завтра придется озаботиться обедом. Но это завтра, а пока Матвей сидел перед едва теплившимся костерком, и ни о чем не думал. Ему было просто хорошо. Серко уютно свернулся у ног, Орлик похрапывал совсем рядом, в котелке напевал чай...

Ночью пошел дождь. Мелкий, нудный, секущий мелкими каплями. Матвей проснулся от того, что Серко перебрался к нему поближе, стараясь обогреть. Костер потух, и капли, падая на угли, зло шипели. Матвей вскинулся, тараща в темноту. Какая-то жуть накатила на него, но быстро отступила, едва Серко ткнулся холодным носом ему в щеку.

Наломал в темноте сухого рыжего лапника, заготовленного с вечера, бросил на угли и принялся раздувать. Через пару минут первые язычки пламени заплясали на иголках, побежали в разные стороны, разгораясь. Пристроил нал огнем котелок и сидел, глядя в огонь и вслушиваясь в шорох капель по веткам. И показалось ему вдруг, что остался он один на всем белом свете. Нет вокруг людей, есть только он и тайга. Он зябко повел плечами, представив себя со стороны. Глухая ночь, тайга в горах. Темно хоть глаз коли. И где-то на самой границе видимости маленькой искоркой в ночи горит его костер. И у костра сидит он: невыспавшийся, немного промокший, молча смотрящий в огонь. Рядом верный друг Серко и надежный Орлик. И больше – никого. Бррррр.....

Он просидел у костра почти до утра. Лишь когда забрезжил рассвет, уснул тяжелым, беспокойным сном.

Утро началось с происшествия: Серко загнал на кедр, под которым спал Матвей, горностая, и тот злобно цвиркал, пытаясь напугать противника. Матвей с трудом разлепил глаза и сначала никак не мог сообразить, где находится. Сел, помотал тяжелой головой, протер глаза. Солнце поднялось над горами, и заливало все вокруг теплыми лучами. С тяжелым вздохом он поднялся и пошел к родничку, умыться. Ледяная вода быстро привела его в чувство, и к кострищу он вернулся повеселевшим. Горностай все так же сидел на ветке, и зло сверкал на Серко черными бусинками глаз. Орлик поглядывал на обоих с явным неодобрением, меланхолично отгоняя хвостом одинокую муху. Матвей затеплил костерок, разделил на три части краюху хлеба. Долю Орлика густо обсыпал солью, и тот с радостью принял угощение. Подумав немного, отделил кусочек и для горностая – раз уж пришел в гости, надо накормить. Позавтракали и засобирались в путь. До избушки Матвей планировал дойти до темноты, так что нужно было поспешить. Предстояло пройти одну долину и подняться на перевал.

Горностай с любопытством посматривал то на них, то на кусочек хлеба, отложенный Матвеем на могучее корневище кедра. Дождавшись, когда вся компания тронется в путь, шустрый зверек слетел с кедра, обнюхал кусочек хлеба, схватил его и метнулся в сторону. Видно, понес угощение подруге.

До спуска в долину шли ходко. Матвей вел Орлика в поводу, в седле он точно клевал бы носом. В пути Серко часто облаивал соболей, их в этих местах очень много. Один зверек не успел взобраться на дерево и принялся обороняться от Серко, забравшись под валежину. Пес крутился вокруг, пытаясь достать соболя, но тот не давался, зло ворчал и щерил зубы. Матвей отозвал друга и направился дальше, обрадованный. Соболев был молодой, а это значит, что приплод в прошлом году был хороший, и охота по зиме будет знатная.

Спускаться предстояло по тропе, назвать которую тропой можно было с большой натяжкой. Узловатые корневища выпирали из земли тут и там, крутой уклон еще не просох после ночного дождя, и был скользким. Местами тропа делала резкие повороты, огибая промоины и большие валуны. Матвей немного волновался, все ж впервые придется спускаться самому и спускать коня самостоятельно, без мудрого отцовского совета и его надежных рук. Но деваться некуда, нужно идти. Сначала спуск, а после подъем на следующую горку, где стоит избушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.